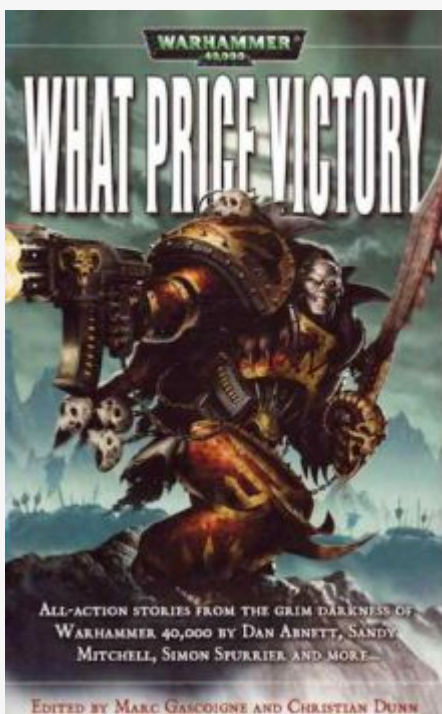

Элюцидиум - Свет проливающий / Elucidium (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

*Элюцидиум - Свет проливающий /
Elucidium (рассказ)*

Автор	Саймон Спурриер / Simon Spurrier
Переводчик	Sidecrawler
Издательство	Black Library
Серия книг	Чего стоит победа / What Price Victory
Год издания	2004
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Выдержка первая:

Вступление, «Примацци: Клавикулус Матри»

Мы нечистые.

Мы поношаемые (так говорят). Мы презренные, мы пагуба, мы мерзость. Нас называют «тварями», «уродами», «еретиками». Насмешки столь же однообразны, сколь и бесконечны.

Есть ли в их словах истина?

И я, тогда, — «урод»? По их меркам — да. И если считать ересью, что их атрофированный бог-труп омерзителен, то — да, думаю, меня можно причислить и к «еретикам». Но я выше этого.

«Тварь» ли я? Существо ли, годное лишь на выбраковку; дефектная особь, которую нужно препарировать, а затем уничтожить? И посему, я - не важен?

Нет. Нет, против этого обращения я возражу. Я - дитя божественной воли Матери. Они могут бросаться камнями, клеветать и навешивать на меня ярлыки сколько угодно. Это мало что им даст.

Узрите: Великая Небесная Матерь приближается. Благословенна будь.

* * *

Подъёмник-«ползун» опустился на замёрзшее поле с величавым облегчением, взметнув компактный бублик снега и осев на коленчатые посадочные опоры. Прозрачные струйки пара — не более чем бесплотное марево — взвились кверху от тёплых двигателей, теряясь в шквалистом ветре.

Спуск с орбитоплатформы — покрытые узорами льда тяговые зажимы неторопливо спускали кабину по несущему тросу, словно какого-то вторженца на верёвке — был мучительно медленным. Капризная атмосфера жестоко трепала аппарат, раскручивая его вокруг кабеля переменчивыми порывами ветра и снежными зарядами, и лишь благодаря гироскопам кабины, заново благословлённым троицей техножрецов, пассажирам удавалось сохранять хоть какое-то подобие внешнего приличия. Кабину они покидали с разной степенью скрываемой тошноты, позеленевшие лица строги и неподвижны, не желая выдавать явный дискомфорт — кучка торговцев и паломников, крепко, до белизны костяшек, вцепившихся в пожитки и угрюмо вглядывающихся в выпуклый купол города.

В портале неподалёку скрывался человек - в некотором роде; из-под сени капюшона вился пар дыхания. Очень высокий, плотного телосложения, которое выдавали движения складок одеяния; его великанскую стать умеряла лишь постоянная сгорбленность. Звали его Гхейт, и, глядя на рассасывающую толпу пассажиров, он не мог не задуматься отстранённо над тем, какие необыкновенные зрелища они повидали, из каких дальних миров возвратились, какие чудеса и ужасы прятались за непроницаемым покровом снежных туч, скрывших небо.

Ведь Гариал-Фол был миром, не видевшим солнечного света.

Нет, кое-какой свет, конечно, был: тусклое свечение блёклого неба, которое убивало тени и закрывало звёзды. Но ни намёка на местоположение светила, ни закатов, ни рассветов; лишь постепенное нарастание и убыль светимости покровы, обозначающее смену дня и ночи. По многомудрости своей, Плюрократия улья Примус (несомненно по наущению имперского губернатора) заказала у Адептус Механикус геостационарную орбитоплатформу, чьи изношенные солнечные батареи теперь черпали энергию от далёкого солнца, питая через несущий кабель вечно жадный до тепла улей-купол вниз.

Одним махом техножрецы обеспечили Гариал-Фол энергией, платформой для стратегических вооружений и звёздной гаванью. Лишь «ползуны» со своим малокомфортабельным спуском сквозь облачный слой портили впечатление от безупречной работы этой во всём остальном эффективной системы.

Один из торговцев, не сдержавшись, шумно сбил себе под ноги, оставив на промёрзшем снегу протаявшую кляксу. Гхейт взвёл глаза к небу и вновь уставился на исходящий паром аппарат, из которого молча спускались два последних пассажира, занимавшие отдельную каюту по правому борту.

Первый — высокий, в одеянии аколита. Как и у Гхейта, голова скрыта грубым капюшоном, украшенным по краю вытертой вышивкой из символов и надписей. То малое, что выдавало одеяние, показывало определённую жилистость его физиологии: худобу и скупость движений, которые легко можно было принять за результат недоедания или неуверенности. Гхейта не так легко было обмануть: он узнал расчётливые движения воина, каждое исполнено эффективности и неторопливой грации. Фигура подобрала несколько предметов лёгкого багажа и молча встала, ожидая приказаний спутника.

Одетый с ног до головы в одежды имперского пурпура, в застёгнутой на шее мантии из ястребиных перьев и платиновых украшений, опираясь безо всякого намёка на слабость на обсидиановый посох, — кардинал Евредем Арканнис являл собой впечатляющее зрелище. Не успел Гхейт и шагу ступить из портала, как орлиное лицо кардинала повернулось в его сторону, глаза хищной птицы сверкнули арктическим холодом разума.

— А, вот ты где!.. — воскликнул кардинал. — Пышная встреча, ничего не скажешь.

Его голос словно буравил ветер, неприятно шурша в воздухе.

— Выходи-ка, — костлявый палец поманил Гхейта из тени.

Кивнув, тот шагнул в метущий снег, подавив неприятные ощущения от внимательного взгляда кардинала: тот словно рассматривал племенного грокса на скотном аукционе агроквартала.

— Я так понимаю, ты ждёшь меня?

Гхейт снова кивнул.

— Тогда показывай дорогу, дитя.

Гхейт задумчиво подвигал челюстью. Беспокоило зарождающееся чувство тревоги: столь подсознательной была его самоуверенность хищника, что оказаться охваченным благоговением перед незнакомцем было... вызывающим ощущением. Но с другой стороны вечным проклятием Гхейта были стремление всё обдумывать и терзания чересчур глубокого анализа и размышлений над каждой ситуацией. Он нахмурился и припомнил совет своего хозяина: повиноваться не рассуждая и довольствоваться этим.

Запахнув потуже одежды от холода и взмахом пригласив двух фигур следовать за собой, Гхейт повернулся и зашагал сквозь покрытый инеем проход, ведущий под линзу древнего и запутанного города-купола. Кардинал со своим высоким спутником молча последовал за ним, их шаги отмечал лишь ритмичный стук обсидианового посоха по обледеневшему полу.

* * *

Гариал-Фол, как и многие колонизированные миры в сегментуме Ультима, большей частью своего существования был обязан запретным благам древних технологий. Какое-то забытое сообщество в каком-то забытом тысячелетии воздвигло купол-теплицу для защиты внутреннего города, натянув над его безжизненным ландшафтом нечто вроде мыльного пузыря, который со временем отвердел и покрылся оспинами. Под его замысловатой поверхностью, исполосованной стрекочущими логическими машинами и скрежещущими зубчатыми колёсами, теснился беспорядочной мешаниной ярусов и штабелей зданий город, в котором было существенно теплее (хотя всё ещё неуютно холодно по человеческим меркам), чем в ледяных пустошах снаружи.

У выхода из портала Гхейт нанял рикшу, крикнув полуразумному сервитору-водителю куда ехать. Усиленные мощными металлическими связками ноги и руки сервитора с шипением сжались, принимая вес пассажиров. Гхейт направлял слабоумное существо вдоль мостов и улиц-колодцев, поднимаясь сквозь гетто и торговые кварталы, въезжая на паровые подъёмники и уворачиваясь от дребезжащих трамваев. Рассеянный небесный свет, которому красноватый цвет купола придавал лихорадочного оттенка, по всему городу усиливали газовые лампы и парящие в воздухе светильники: мерзкая помесь кадмиевых отблесков с вольфрамовыми пятнами света. Спутники Гхейта молча глазели по сторонам, объезжая по границе Теплоотвод с его красочными гангерскими тотемами, проезжая сквозь Заблуду с её надёжно охраняемыми раскопками, минуя основание вздымающегося ввысь Вершинного квартала, где ежедневно заседала Плюрократия. Рикша доставил их на ледяное поле в сердце центральной площади, остановившись в морозной тени нависшего над ней одинокого здания. Кафедральный собор был типичным: раздутый фасад выпирающих пилонов и шпилей, его громада, словно угревой сыпью, утыкана педантично выписанными фресками и зубчатыми украшениями. Собор стоял отрешённо, не обращая внимания на плотно закутанных палаточников и торговцев вокруг, которые шумно предлагали свои товары.

Взгляды, бросаемые украдкой Гхейтом на кардинала, лишь усиливали его впечатление, впитывая резные черты лица, похожий на топор нос, бескровные губы, бледную безволосую макушку. Но сильнее всего отталкивали его глаза: глубоко запрятанные в тени нависших бровей, они однако умудрялись мерцать, странным образом отражая свет.

Гхейт, насупившись в темноте своих одежд, думал: «Ты нам не нужен, чопорный ублюдок. Мы прекрасно справлялись и без тебя».

* * *

Внутри собор, на взгляд Гхейта, ничего примечательного из себя не представлял. Твердыня с контрфорсами, полная вычурной филигранной архитектуры, замысловатых фресок, золотой и серебряной декадентской орнаментации и регулярно подновляемых гобеленов. Яркий, безвкусный и напыщенный... Гхейт, едва удостоив взглядом внутренности собора, свернул в небольшой лестничный колодец у левой стены.

Внизу стало ясно истинное предназначение здания.

Сквозь своды арок и лестниц, через подземные клуатры с атмосферой тщательно созданной старины, под слоем забытых сокровищ древних реликвий и переходами, густо оплетёнными синтезированной паутиной, собор постепенно обнажал свои поражённые раком внутренности и заразу, что пустила здесь корни. Он истекал гноем.

Ведомые интригами и великими замыслами, которые лежали за пределами понимания простого маелигнаци, члены Освящённой конгрегации Небесной Матки собирались в скрытых сумраком залах и грубо вырубленных кельях, перешёптываясь, молясь вместе, с тихой торжественностью распевая и разнося, всё время разнося Благою весть.

* * *

Совет ожидал.

Гхейт незаметно проскользнул — насколько при его размерах можно было незаметно проскользнуть — в Зал Голосов, мельком окинув взглядом собрание. Его хозяин, магус примаций Крейста, стоявший с краю полукруга, не подал и виду, что заметил у входа своего личного аколита. Гхейт попенял себе за то, что ждал чего-то иного.

За магусами примациями стоял ряд прислуживающих маелигнаци-фаворитов всех поколений, соответствующе облачённых в мантии и капюшоны, а по обоим концам зала, куда не проникал тусклый свет дешёвых светильников, сумрак пятнала толкотня выводка пуриев.

Впереди, хотя и аккуратно отставленный в сторону так, чтобы не отвлекать внимание от магусов, на колёсной платформе развалился с животным безразличием огромный и тучный Отец выводка, поскуливающий и истекающий слюной. Огромные складки обвисшей плоти, сегментированные и похожие на червей, собрались у него под лапами, покрытыми потёками маслянистых выделений утробы. Полоса красно-коричневого шёлка, вышитая иконографией Нового Рассвета, предпочитаемой всей Подцерковью, была аккуратно прикреплена поперёк массивного тела, скрывая складки жира. Укрытый таким образом, спелёнутый словно агрессивная личинка, он трясся и клокотал в психическом оцепенении, усыплённый ментальным отпечатком своей паствы. Голова его являла собой брахицефальное месиво морщинистой плоти и хрящей, провисшее от старости и заляпанное слюной, но тем не менее щетинившееся кинжалами зубов и загнутых клыков. Он шипел и бубнил что-то, абсолютно безмозглый, игнорируемый решительно всеми собравшимися.

Конгрегация, по размышлению Гхейта, была непохожей на предыдущие.

— Магус Элюцидиума Арканнис! — провозгласил он, жестом приглашая кардинала внутрь.

Арканнис в сопровождении безмолвного спутника переступил порог подземелья, двигаясь словно хищник — свернувшаяся ледовая змея, которая высовывает нос из снега, нацеливаясь на добычу.

Если Совет надеялся уstrasить гостя, если они надеялись принизить его авторитет демонстрацией своей солидарности и торжественности, отнесясь к его появлению с коллективным неодобрением, если

они надеялись каким-то образом визуально показать своё численное превосходство, пренебрежительно сравнивая его с одиночеством кардинала — то они жестоко ошиблись.

Кардинал вышел на середину зала, улыбнулся и произнёс:

— Грядут перемены.

* * *

На другом конце города, в тёмных улочках Теплоотвода, массивный мужчина нажал руну активации на рукоятке силовой булавы и сплюнул.

— Я смотрю, — произнёс он, — у вас, детки, нет никакого уважения к старшим.

— 3-закон этого не запрещает... — придушенный ответ, похоже, исходил из лежащей у его ног беспорядочной кучи мусора, при ближайшем рассмотрении оказавшейся телом, скрючившимся от боли в позе эмбриона, на щеках и лбу вздувались синяки, из носа текла тонкая струйка крови. Послышался стон.

Нависший над ним великан, свет тускло отражался от сегментированных пластин чёрной брони и купола эбенового лицевого щитка, покачал головой и медленно процедил — слова щёлкали словно зубья шестерни:

— Что запрещает закон, парень, буду решать я, не ты.

Силовая булава вспыхнула фосфорно-голубым, стегнув словно отсветом молнии вдоль улочки и высветив контрастный рельеф её обветшалых строений, засыпанного обломками фундамента и двух её посетителей. По стенам поползли тени, мигая в такт рваному мерцанию.

Булава метнулась по дуге вниз, потянув за собой тени, и, соприкоснувшись с черепом сломленной фигуры, с громким треском выплюнула фонтан ярких искр — вопящая голова лопнула как перезревший плод. Куски разбитого черепа и ошметки мозга разлетелись, собираясь в лужи и смешиваясь с густой жижой внутричерепной жидкости. Владелец булавы нахмурился и со вздохом деактивировал оружие, раздражённый влажными брызгами на броне.

Ещё одна фигура, точно так же одетая в чёрную как ночь броню, выступила из прилегающей улочки. И отдала честь.

— Маршал, я слышал разряд. Помощь нужна?

Первый мотнул головой и пнул безголовые останки:

— Нет. Догнал карманника, вот и всё.

Новоприбывший подтолкнул труп ногой в тяжёлом ботинке, усмешка мазнула по видимой части лица:

— Самооборона, ведь так, маршал?

— Хех, сам всё понимаешь, — человек глянул на дисплей ауспика, надетого на запястье, и чертыхнулся.

— Проблемы, маршал?

— Опаздываю. У меня назначена встреча с Плюрократией.

— Что-то серьёзное?..

— Да ерунда. Эти надутые ублюдки не могут найти собственную задницу двумя руками, чего уж тут говорить о том, чтобы прижать меня чем-то стоящим.

— У вас неприятности, маршал?

— Ха! Вигиляторы здесь для того, чтобы поддерживать порядок и блюсти закон Императора, помощник. Мы не подчиняемся прихотям жирных политиканов. Запомни, — он снова пнул труп и сплюнул в лужу крови и мозгов. — Вызови команду, пусть приберут это дерьмо.

— Есть, сэр. И удачи с Плюрократией, сэр.

Маршал Делакура стряхнул остатки крови с булавы и шагнул в тёмный узел улиц, окружавших грандиозный Вершинный квартал.

— Вигиляторы сами хозяева своей удаче, помощник.

* * *

Величественным и пугающим взглядом Арканнис обвёл собравшихся. Он усмехнулся, мигнул и заговорил:

— Я представляю Элюцидиум.

Его голос заставил аудиторию замереть в благоговении. Голос оказывал не звуковое воздействие, он резонировал где-то внутри, запуская свои лапы и когти прямо в сознание.

— Считайте меня... странником. Пионером, если хотите. Я иду впереди Неё, готовлю Ей путь, и Она всегда приходит вслед за мной.

Арканнис перевёл взгляд - более убедительный, чем ствол любого оружия - и сосредоточил внимание на полукруге магусов примациев. Даже те, чьи лица отражали неприкрытое презрение, казались околдованными: брови сведены ясно видимой сосредоточенностью, глаза затуманены от силы, вложенной в слова. Гхейт, с колотящимся сердцем наблюдая из дверного проёма, почувствовал, как воздух становится липким. Психическая мощь взбудоражила затхлость зала.

— Наконец-то, - завёл кардинал, излучая ту малую толику теплоты, на какую были способны холодные черты его лица, - наконец-то, Она с нами. Её час близок. Великая Небесная Матерь приближается. Благословенна будь!

— Благословенна будь! - эхом откликнулась конгрегация. И в этот самый момент, без раздумий ответив на предложенную литанию, собравшиеся молчаливо наделили Арканниса всей полнотой власти, которая ему требовалась. Он завладел Подцерковью без особого сопротивления, как и рассчитывал.

Убеждённость его - уверенность в своем праве - была почти осязаемой, и пока он говорил, и говорил, и

говорил, Гхейт чувствовал, как она окутывает его разум, словно наркотик.

* * *

Кардинал кратко обрисовал план. Он сделал выговор слушателям за расслабленность, но похвалил за решимость. Он подробно описал грядущие дни. Он вёл речь с мастерством и изяществом опытного фехтовальщика, завоёвывая уважение вместо того, чтобы требовать результатов, действуя окольными путями вместо того, чтобы раздавать прямые приказы.

Он поведал о том, как поднимется на борьбу Благословенное Освобождение, как они должны будут внести свой вклад в победу, где они должны будут расположиться и в каких количествах, с каким оснащением и экипировкой... Он не оставлял ни единой лазейки для неопределённости или выбора: он говорил — и они верили.

Даже пурии, чьё понимание языка было размыто пеной основных инстинктов, казалось, вдохновились выступлением. Они шипели из своей тени, проводя мягкими пальцами по прозрачным панцирям и чирикавая в темноте. Гхейт был благодарен полугу сумрака, что скрывал их - в нём одновременно боролись и гордость, и отвращение за свою наследственность.

Только Отец выводка, раздутый патриарх Подцеркви, не подпал под влияние слов новоприбывшего. Он лишь изгибался и мяукал, слишком пресыщенный, чтобы отреагировать разумно, тем психическим пиршеством, что конгрегация невольно ему устроила.

Скрытный и паразитический, рыскающий в злобном голоде под замёрзшими улицами купола-улья Гариал-Фола, сжимая оружие и кривые когти, культ Небесной Матки зашуршал и зашевелился с растущим шёпотом согласия со словами Арканниса.

Некоторое время спустя, получив указания, собрание разошлось.

Выдержка вторая:

Раздел II («Чтобы вы могли узнать нас»), «Примацци: Клавикулус Матри»

По человеческим меркам мы — поразительная порода. Наше происхождение есть наша жизнь, и наша жизнь не принадлежит нам. Мы с готовностью отдаём её ради Матери и таким образом заслуживаем себе место рядом с Ней.

Если мы должны умереть — пусть, мы умрём. Если мы должны страдать — пусть, мы будем страдать. Небесная Мать останется. Навсегда. Она разбрасывает свои семена впереди себя — предвестников своего пришествия, разносчиков своего божественного замысла. Она сеет. Она множится.

И тогда мужчина, или женщина, принимает семя. Друзья, сверстники, коллеги — они назвали бы это «заражением», если бы узнали. Носитель семени отмечен.

Он, или она, теперь контактирует, облагодетельствованный плотским семенем. Всё ещё человек - по большей части - но уже более простой. Очищенный желанием служить. Небесная Матка наделяет

своих носителей Целью – даром, невозможным для иссохшего Бога-Трупа.

Носитель размножается. Он берёт женщину, или она берёт мужчину. Находясь во власти инстинктов, они не могут даже понять своего единения: они очищены простотой своих стремлений. Свить гнездо. Плодиться. Размножаться. Их ребёнок уже не человек.

Мы паразитальная порода, да.

Мы – раса евгенического слияния. Наш мир – это царство сочетаний: смеси, перетекания, смешения. Ни то и ни другое, мы – божественные полукровки.

Гибриды, все.

* * *

— Это твоих рук дело! Ты пригласил его сюда, так? Я просмотрела записи передач.

— Я и не собирался этого скрывать. Хотя мог бы.

Гхейту голоса казались натянутыми – та часть психического обмена, что наполняла комнату. Архимагус Иезахиль – первая среди магусов культа – гневно наставила палец на магуса Крейсту и поджала бескровные губы. Одинокая прядь волос, эбеновой волной спадавшая с депилированного черепа, скользнула по мантии цвета нефрита, прикрывающей плечи.

— Ты забываешься, Крейста! – она яростно выплёвывала слова. – Не тебе принимать подобные решения!

— Я не забываюсь, – голос Крейсты звучал спокойно и контролируемо. – Просто я боялся, что без моего вмешательства вопрос останется открытым.

— Какой вопрос?

Магус вздохнул и опустил плечи:

— Вопрос о несостоятельности наших действий, которая болезненно очевидна. У меня нет ни времени, ни желания проявлять неповиновение, но... я не стану потворствовать умышленному неведению. Совет закрывает глаза на неудачи, притворяясь будто их просто нет. Я не могу позволить этому продолжаться, архимагус. Я решил на это, чтобы помочь нам, а не подрывать ваш авторитет. Я подобными делами не занимаюсь.

Гхейт огромной фигурой притаился в противоположном конце кабинета хозяина, тщательно делая вид, что разговор его не интересует. Магусы стояли друг напротив друга в ореоле нездоровых отсветов угольной жаровни, потрескивающей в углу.

Гхейт служил личным помощником Крейсты с тех самых пор, как вышел из детского возраста. Тем, что питал больше уважения к личностям, составляющим Церковь, нежели к самой Церкви как сообществу, он был обязан по большей части своему хозяину. Морщинистый старик был нетипично прагматичным примацием, требовавшим от своих воспитанников развитой логики и образованности наравне с животной агрессивностью. В любом другом маелигнаци начала созидательного разума были

приглушены, заменены беспрекословным подчинением и послушанием целям общины, ведомой псионическим резонансом с Советом.

Для них, по собственным размышлениям, Гхейт выглядел необычным. Результатом порока развития, генетического дефекта, эмбриональной мутации. В нём человеческая часть наследственности тайно одарила разум способностью к воображению и непослушанию, к реакциям, находящимся за гранью биологических критериев инстинкта. Гхейта не уничтожили, как только его индивидуальность проявила себя, лишь благодаря Крейсте, который высоко ценил уникальность — обычно дозволенную лишь приматам магусам.

На службе у Крейсты Гхейт — в обход всех церковных правил — научился расшифровывать и создавать так похожие на паучков буквы, из которых состоят слова, и даже постиг начала скриптологии Подцеркви. Он был очень многим обязан своему хозяину.

Иезахиль, недовольно кривя губы, прошипела:

— Это нарушение субординации! Тебя следует высечь!

Несмотря на то, что женщина была выше рангом, Гхейт почувствовал, как под неровной мускулатурой на плечах вздуваются жилы. Он подчинился Церкви и совету примациев беспрекословно, но не мог допустить, чтобы его хозяину причинили вред.

— Делайте, что хотите, — ответил Крейста, пренебрежительно отмахнувшись. — Теперь уже поздно. Он здесь. Вся эта злоба ничего не изменит.

Гхейт позволил мышцам расслабиться. Даже отделённый от собеседников задымлённым пространством комнаты, он видел, что Иезахиль побеждена. Её плечи невольно опустились.

— Тогда я надеюсь, ты доволен, — вяло бросила она. — Ты призвал постороннего в нашу конгрегацию — одна лишь Матерь знает, кого он приведёт за собой. Может быть, он шпион, мы ведь ничего о нём не знаем.

— Его репутация идёт впереди него, архимагус.

— Ты считаешь, что это имеет какое-то значение? Ты просто дурак, Крейста.

— Он не шпион! Элюцидиум наши союзники! Разве вы этого не видите?

— Всё, что я вижу — это щёголя, разодетого в... в павлиньи наряды Иссохшего Бога!

Крохотные волоски на загривке — рудимент, доставшиеся Гхейту от человеческих родителей — вздыбились от дуновения холода. Пока он разворачивался, чтобы разглядеть причину дискомфорта, из-за его плеча раздался резкий голос. Гхейт замер.

— Значит, вы не слишком внимательно смотрели, — произнёс кардинал, с застывшим выражением ястребиного лица входя в затхлую комнату. Мантия тянулась за ним по плитам пола, словно след гигантского слизня.

Иезахиль великолепно справилась с чувствами.

— Арканнис, — произнесла она ледяным тоном, — не пристало столь ... почётному гостю опускаться до подслушивания...

Кардинал улыбнулся, его холодные черты скривились в почти убедительной пародии на веселье.

— О, архимагус, уверяю вас: если бы я имел такую склонность, я бы подслушивал ваши разговоры прямо с орбиты, — его глаза сверкнули. — Увы, я здесь, чтобы поговорить с магусом Крейстой, а не потворствовать вашим неврозам.

Архимагус зашипела, сжав кулаки.

— Тебе стоит научиться уважению, — её поведение напомнило Гхейту кошку, которая, ощутив угрозу, вздыбила шерсть и выгнула спину. — Здесь старший магус — я.

— А вам, дорогуша, стоит научиться понимать, когда ваших силенок явно маловато.

С другого конца комнаты Гхейт видел, как похолодело лицо Иезахиль, превращаясь в ледяное копьё гнева.

— Ты так думаешь? — прошелестела она.

Гхейт понял, что она делает, всего на долю секунды позже, чтобы успеть собраться.

Вокруг архимагуса всколыхнулся воздух, вибрирующий поток псионического разрушения, хлынув из мрачных глаз женщины, заполнил комнату. Гхейта отбросило к двери. Моментально оглушённый, он пытался проморгаться от вспышек в глазах. Даже Крейста пошатнулся на месте, чуть слышно застонав.

Кардинал, который принял на себя всю тяжесть яростного нападения не моргнув и глазом, весело хмыкнул.

— Хорошо, — сказал он тоном любящего родителя, который хвалит своего ребёнка. Гхейт почти на полном серьёзе ждал, что тот сейчас погладит остолбеневшего архимагуса по голове. — Приятно видеть, что примации этого мира всё ещё практикуют воцис сусурра... Слишком многие магусы Матери попустительствуют забвению этого искусства.

Иезахиль, едва не зарывав от столь покровительственного тона, гордо направилась к двери. Её бледные щёки горели. Гхейт, несмотря на ошеломление от ментального шквала, сумел спрятать улыбку, появившуюся при виде её унижения. Он не забыл, как она грозила его хозяину плетью.

Иезахиль прошла мимо него, задрав нос.

— Архимагус... — окликнул её кардинал перед самым порогом.

Она развернулась, стараясь принять подобающе гневный вид:

— Что?

— Щёголям, даже тем, что разодеты как павлины, дана воля странствовать среди непросвещённых. Возможно, вы об этом вспомните в следующий раз, когда будете пробираться по своим туннелям, словно червь.

— Ты не...

— Это всё, – голос кардинала не допускал даже мысли о неповиновении.

Примаций архимагус Иезахиль покинула комнату, словно низший контагий с разрешения хозяина.

— Так, – Крейста позволил себе погрузиться в мягкое кресло у письменного стола, на сморщившемся лице отразилось благодарное облегчение старого артритика. Он задумчиво погладил свою козлиную бородку, пронизательно глядя на Арканниса. – Так, так.

— Я так понимаю, — произнёс кардинал, возвратив старому примацию взгляд с весёлым подмигиванием, — что это вас я должен благодарить за приглашение на этот мир.

— Меня.

— Скажите... Что заставило вас связаться с моим орденом?

Крейста поджал губы, раздумывая над ответом. Сучковатый палец ткнул в сторону Гхейта, внезапно выдернув того из молчаливых раздумий.

— Аколит, — раздался хриплый голос. – Где твои манеры? Принеси кардиналу стул.

Гхейт бросился выполнять распоряжение, стараясь примирить недоверие к этому расфуфыренному чужаку с растущим уважением к его очевидным талантам. Воспоминания о бегстве архимагуса и её лице, искажённом позором и злобой, были слишком приятными, чтобы вот так просто забыть о них.

* * *

Вершинный квартал, названный так за расположение прямо под верхней точкой купола, представлял собой подпираемое колоннами множество контор, административных уровней и ступенчатых ярусов, занятых участками арбитров, венчала которое, словно некий белёный гриб, колоссальная громада Плюрократиума.

Где-то в глубине его закрытого периметра, промокшего от капли тающего под куполом льда, гудел от выпреженных мнений избранников-плюрократов Тороидальный зал. Большой, круглый, уставленный рядами удобных диванов с откидывающимися спинками и вздутых половиков, сходящийся к центру наподобие чаши, он, казалось, излучал почти осязаемое ощущение лени. Декадентский комфорт, усеянный вазами с фруктами и сладостями, окружали алебастровые стены и галереи. С потолочных фресок взирали герои и злодеи Империиума.

Заседания проходили ежедневно, придушённое бормотание плюрократов служило Гариал-Фолу источником его политического курса и задач. Избранники бесконечно дискутировали на отвлечённые темы, пока их вроде бы как подчинённые, партийные организаторы и адепты, сновали меж ними в погоне за продвижением по службе. В застойной духоте Тороидального зала редко решалось что-то по-настоящему серьёзное, но граждане купола-улья чрезвычайно гордились своей администрацией, вежливо «забывая» о праве «последнего слова» назначенного Империиумом губернатора, который, председательствуя на дебатах от лица общественности, реальное управление планетой осуществлял при закрытых дверях.

Сегодняшние дебаты были далеки от экстраординарности: субфракция, занимающая три дивана, вяло

ходатайствовала перед Плюрократией о выделении средств на обслуживание тросов орбитоплатформы, и те из плюрократов, кто ещё не совсем спал, сидели развалившись с видом сонного довольства, похожие на розовощёких свиной, отдыхающих после кормёжки. Даже спикер, переплетя толстые пальцы, казалось, с трудом разлеплял сонные веки, запинаясь на каждом слове и с присвистом втягивая воздух после каждой фразы. Плюрократия, как и всегда, с наслаждением купалась в собственной бесплодной лени.

Над ними, по заплесневелым переходам и покрытым инеем мезониам, с которых, словно в простудном недержании, текли сосульки, отделение вигиляторов патрулировало верхнее плато крыши с механическим отсутствием интереса тех, кто не ждёт и не боится неприятностей. Они травили между собой несмешные анекдоты и поигрывали тумблерами силовых булав. Если бы кто-то из вигиляторов увидел движущуюся тень, которая незаметно подкрадывалась к ним, отделившись от сумрачного частотола дымовых труб, – хотя никто её не увидел — то отметили бы почти сверхъестественную бесшумность, призрачность движений и невероятную скорость.

Первый из стражей правопорядка ощутил у горла ледяное дуновение, хлынувшее внезапной теплотой от резкого и непонятного рывка. Вигилятор умер, не успев даже пикнуть, кровь из распоротой шеи растеклась по льду жуткими и прекрасными узорами.

Стражи умирали один за другим, и когда всё было кончено, тень, что танцевала среди них словно туман, скользя пальцами с бритвенной аккуратностью сквозь сухожилия и кости, расчлняя и вспарывая, счастливо закружилась в центре спирали, выписанной брызгами в кругу сваленных тел и блестящей крови, исходящей паром на льду и сбегающей змеящимися ручейками по крыше.

Плащ тени постепенно опустился, не запятнанный ни единой каплей крови, и фигура, удовлетворённо пробормотав какую-то бессмыслицу в темноту изумлённой ночи, канула обратно в сумрак.

* * *

— Улей Секундус в четырёх днях пути на север. Он не такой, как город-купол. Это... это, что называется, типичный улей. Торчащий изо льда кинжал из путаницы металла и камня. Уродство. Я родился в тамошней Подцеркви и служил ей всю жизнь... И всё это время, все эти тяжёлые годы только одно оставалось неизменным. Борьба.

Магус Крейста со вздохом откинулся на спинку кресла, отрешённо глядя на потрескивающую жаровню. Его слушатель – кардинал, похожий на нахохлившегося ястреба, рассматривал его из своего кресла со скрытым, но интенсивным вниманием, подмечая и запоминая каждое движение и интонацию. Арканнис, в свою очередь, тоже находился под наблюдением: Гхейт отвлечённо оценивал его, притаившись, как того требовали правила, у границы освещённой части комнаты.

Крейста продолжил с долгим вздохом, отсутствующе постукивая по терёзовому подлокотнику кресла.

— Больше всего я боролся с иерархией. На мой взгляд, Совет превратился в геронтократию, слишком пресыщенную самомнением, чтобы замечать собственную несостоятельность. Результативность пала жертвой церемоний, эффективность потерялась за религиозными догмами. Они никак не могли понять, что традиция, выработанная два века назад, может стать уже бесполезной и даже излишней. Я боролся

за то, чтобы осовременить Подцерковь улья Секундус, но потерпел неудачу.

Гхейт изучал лицо слушающего кардинала. Тот смотрел на руку Крейсты, которая мерно постукивала по подлокотнику. Старый примацій не замечал острого интереса, проявленного к его привычке, слишком далеко уйдя в повествование.

— Среди нас оказался инквизитор.

— Мои мольбы к Совету пересмотреть политику безопасности оставались без внимания, мои допросы новых рекрутов были отменены как излишне рьяные... Слуги Бога-Трупа обнаружили наше слабое место и воспользовались им. Я не знаю, кем притворялся инквизитор. Низшим контагием, маелигнаци. Кто знает? Как-то утром я отправился проверять конспиративную ячейку в верхнем улье, а когда вечером вернулся, Подцерковь была разгромлена. Разнесена на куски, в пыль. Месиво, кардинал. Сплошное месиво.

Старик стиснул зубы, пытаясь сдержать скорбь, которую не мог скрыть в голосе. Гхейт, давно знакомый с историей своего хозяина, тем не менее почувствовал, как мышцы напрягаются от ярости за тот геноцид.

— Неделю я скрывался словно преступник... Подулье гудело от слухов — инквизиторские зачистки, целые семьи отправлены на костёр. Истерия охватила весь город, уничтожая те малые клочки конгрегации Матери, что ещё остались. Я оценил своё положение. Оставаться было бесполезно — это я понимал. Я бы не продержался ещё неделю. И принял решение отправиться в улей Примус, чтобы донести весть о поражении в надежде, что смогу уберечь здешнюю Подцерковь от подобной участи. Моё признание здесь пришло... не сразу, но я пробивался изо всех сил и занял подобающее место в Совете. Но теперь... Теперь, когда Великая Небесная Мать наконец-то близко... Я вижу, что всё повторяется снова.

Впервые с момента начала своего повествования магус Крейста оторвал взгляд от пляшущих языков пламени и встретился глазами с Арканнисом.

— Здешняя Подцерковь слабеет, кардинал. Ячейки контагиев неделями не отчитываются, маелигнаци слабо подготовлены и плохо вооружены, а пурии... Им позволено бродить по туннелям, где вздумается. Как скоро их заметят в верхнем городе? Как скоро вскрыется наша несостоятельность, и здешняя Церковь Матери рухнет так же, как она пала во втором улье? Вы понимаете, кардинал, что я не могу этого допустить.

Арканнис поджал губы и с чем-то вроде неторопливой размеренности, которая придавала важности каждому движению, произнёс:

- Продолжайте.

— Когда меня посветили в магусы здесь, в улье Примус, я получил доступ к библиотеке, к накопленным за столетия знаниям. Я просматривал архивы, ожидая найти там лишь записи давно умерших магусов... ностальгические отголоски прошлого. Вместо этого я обнаружил письма. Астропатические сообщения, зашифрованные и опечатанные, пришедшие с других миров. Сотни посланий, сложенных в стопки и покрытых пылью. По моим подсчётам, они копились там лет десять. Может больше. И ни одно не было вскрыто.

Крейста поворочался — старика беспокоила какая-то внутренняя боль. Гхейт позволил себе перевести взгляд с непоколебимой фигуры кардинала на хозяина, обеспокоенный растущей хрупкостью высохшего старика.

— Вы должны понять: насколько мне было известно, мы одиноки. Я считал, что во всей этой... болезни и гнили Империи, лишь Гариал-Фол служит убежищем верных детей Матери. Обнаружить, что кто-то где-то там знает о нас... это... это выходило за рамки моего понимания. Полагаю, я не могу винить Совет за игнорирование сообщений. Мы привыкли к секретности, мы отрезаны от мира своей подозрительностью и страхами. Мои просьбы связаться с вашим орденом были отвергнуты прямо с порога. Совет не желал помощи, которую предлагал Элюцидиум. Они ссылались на недостаточность знаний, сеяли подозрения и отвергали объяснения, которые содержались в письмах. Я слушал их лепет, на душе было пусто, я снова видел... заостренность, которая погубила улей Секундус. Так что я решил взять дело в свои руки, связался с Элюцидиумом, и вот вы здесь.

Гхейт напряжённо перевалился с ноги на ногу.

— Ммм, — протянул кардинал наконец, сложив пальцы под подбородком и медленно растянув губы в змеиной улыбке. — И вот я здесь.

— Кардинал... Я должен знать: есть ли в самом деле другие? Другие церкви? Другие конгрегации на других мирах?

Кардинал улыбнулся шире, сверкнув из-под бескровных губ безукоризненной белизной. Без усилий завладев вниманием обоих зрителей, магус Элюцидиума Арканнис неторопливо подался вперёд, лицо его выразило нескрываемое веселье.

— Их больше, — произнёс он, — чем вы могли бы себе представить.

Гхейт почувствовал головокружение. Он старался сохранить интуитивную подозрительность, которую ощущал к чужаку, тем временем изображая полное отсутствие интереса, как и положено представителю низшей касты.

— Вашего аколита, — сказал кардинал Крейсте, пренебрежительно ткнув пальцем в сторону Гхейта (тот зашипел при внезапном внимании к своей персоне), — это не убедило. Или он скорее полагает, что это не должно его убедить. Недоверие вбито в него, как и во всех остальных. Я чувствую, как недоверие сочится из него, словно пот.

Он рассеянно облизал губы и с лёгкой улыбкой бросил взгляд прямо на Гхейта.

— Вы поступили правильно, связавшись со мной, магус Крейста. Ваша конгрегация становится бездеятельной. Элюцидиум считает своим личным делом предлагать разрешение подобных ситуаций. Смелый готов в одиночку встретить любой вызов, но... чтобы искать помощи у других, нужен мудрый. Элюцидиум заботится о мудрых, Крейста.

Кардинал запустил руку в широкий карман на обшлаге рукава и достал брошь, искусно отделанную серебром и платиной. Её радужные грани скрывали прозрачное изображение переплетённых змей — идеально симметричный клубок без начала и конца. Кардинал полюбовался причудливым рисунком.

— Если пожелаете, — произнёс он, не отрывая глаз от безделушки, — на моём судне есть свободное место. Мой жизненный удел как представителя Элюцидиума — всю жизнь следовать впереди Великой

Матери и никогда не задерживаться, чтобы поприветствовать Её прибытие. Когда я покину этот мир, магус, лишь Её тень появится на горизонте, вы будете с радостью приняты в наш орден.

Он с улыбкой протянул брошь, его тёмные глаза мерцали. Другой рукой Арканнис указал на точно такую же безделушку, предусмотрительно пришпиленную среди экклезиархальных медальонов и нарочито ярких украшений одеяния.

- Если пожелаете, конечно.

Крейста осторожно взял драгоценность, удивлённо нахмутив кряжистые брови.

- В-вы оказываете мне честь, кардинал, - тихим голосом произнёс он. - Я всего лишь примаций...

Арканнис широко улыбнулся, снова сверкнув зубами.

- И я им был, - он поджал губы, в глазах замерцали отсветы пляшущего огня. - Крейста, Элюцидиум... неоднородное сообщество. Собрание личностей. На каждого из нас возложены две обязанности: помогать верным чадам Матери, где бы мы их не нашли, и вербовать тех, кто мог бы послужить нашему ордену в грядущем. Я считаю, что вы как раз один из них.

Крейста кивнул, вспыхнув от гордости.

Оба встали, почувствовав, что встреча подошла к концу. Крейста почтительно склонил голову, всё ещё потрясённый огромностью того, что узнал. Гхейт смотрел из сумрака на хозяина со смешанными чувствами. Он был рад, что мудрость его господина отмечена, но приглашение кардинала его встревожило. Он старался убедить себя, что беспокойство происходит от недоверия к Элюцидиуму и желания не дать хозяину запутаться в их уловках. Но глубоко внутри понимал, что опасения были плодом эгоизма: он не мог вынести и мысли, что наставник бросит его здесь.

Вынырнув из раздумий, Гхейт с удивлением обнаружил, что кардинал, склонив голову набок, уставился прямо на него.

— Я бы хотел попросить об одном последнем одолжении, магус... — произнёс кардинал, поворачиваясь обратно к морщинистому примацию.

— Всё, что угодно, ваше высокопреосвященство.

— Ваш аколит. Я хотел бы его позаимствовать.

Выдержка третья:

Отрывок из третьего тома («Ангелы и нечисть»), «Примации: Клавикулус Матри»

Позвольте мне сказать о людях.

Мы должны всегда осознавать их отношение к нам. Мы — суть их кошмаров. Мы — их горгульи в сумраке, их страшили. Они ненавидят нас с жёлчью, копившейся тысячелетиями, и всё равно мы должны понять, что ненависть их — всего лишь результат.

Она идёт не из сердца и не из разума, она идёт от их бога. Она — результат того, что разделяет нас с ними с большей силой, с большей очевидностью, чем любое физическое отличие — их веры.

Их вера — гвозди и кнуты, вервии и цепи: связывающая, карающая, приводящая к актам мученичества и самоуничтожения. Она делает их ничтожными.

Она — иллюзия. Бутафорски эффективное мировоззрение, которое деградирует и разваливается при ближайшем рассмотрении. Она скрывает запутанные кишки сомнений, петляющий кишечник лицемерия, уродливую опухоль неискренности и предубеждения, которая сидит и нарывает в гуще крови и дерьма. Вера — их костыль. Их опора. Леса, которые они возводят с болезненной аккуратностью вокруг своего хрупкого разума, страховочная сеть, чтобы поймала их, когда они упадут.

Мы всегда будем сильнее, потому что нам не нужна их вера.

Они принадлежат царству веры, надежды на что-то, что нельзя увидеть и потрогать, растрянжируя силы души на прихоти и случайности судьбы. Мы не верим, мы — дети Матери. Мы знаем.

Нам нужно верить в Неё не больше, чем в существование неба, или земли, или воздуха, которым дышим. Она просто есть.

И она приближается. Всегда.

* * *

Ощущение беспомощности было не из приятных. Толстые цепи, матово-чёрные с серыми перемычками, и кандалы сковали его в позу непрестанной мольбы: голова склонена, плечи согнуты, каждый шаг — металлический перезвон, когда оковы на ногах натягивались. Тяжёлый капюшон опущен на лицо — ослеплённый таким образом, он был вынужден с ворчанием судорожно дёргать головой, чтобы видеть хоть что-то.

— Ты смотришься так, словно тебе втыкают нож в задницу, — сказал кардинал, ткнув его в спину посохом. — Сгорбься сильнее. Ты изображаешь пленника, дитя, поэтому выгляди хоть чуточку несчастнее.

Гхейт громко запыхтел, слишком раздражённый позорной ролью, чтобы играть кающегося пленника. Однако, вспомнив о своём обещании хозяину служить кардиналу с предельным послушанием, согнул спину ещё сильнее, изображая стеснённую походку изнурённого горбуна. Кардинал окинул его начальственным взглядом и кивнул:

— Гораздо лучше. Теперь — ты понял план?

Гхейт нахмурился.

— Нет, — ответил он. — Я говорил вам. Я не понял ни черта.

— Какая враждебность... — Арканнис с весёлым удивлением потёр подбородок. — Позволь мне выразиться по-другому, дитя: ты понял свою роль в плане?

— Я сделаю как приказано.

— Отлично.

— И - «Гхейт».

— Прости?

— Моё имя Гхейт. Вы всё время называете меня «дитя». Вы не сильно-то старше меня, полагаю.

Очередной просверк улыбки, которая заставила самоуверенность Гхейта тревожно заколебаться.

— Скажи-ка мне, — кардинал подался вперёд с искренним интересом, — а с хозяином ты разговариваешь в подобном же тоне? На этом мире настолько не в цене уважение?

Гхейт, не желая поддаваться проникающему в душу взгляду, собрал в кулак всё своё недоверие и подозрительность.

— Нет, — ответил он, насупившись, — но вы не с этого мира, так ведь? И вы не мой хозяин.

Арканнис выпрямился, улыбаясь ещё шире. И снова Гхейт ощутил, как его самонадеянность пошатнулась от короткого укола неуверенности. На миг он ощутил себя младенцем-переростком, играющим с какой-то химерой-змеей, которая не убивает его лишь потому, что пока ещё он её забавляет. За этим арктическим взглядом скрывалась такая злоба, что пригвоздила его к месту безо всяких усилий, высосав всю самоуверенность до капли.

Но это было лишь мимолётное видение, эфемерная вспышка неуверенности, которая быстро прошла, сожранная родовой самонадеянностью, глубоко сидевшей у него в генах.

— Нет, — ответил кардинал, снова сверкнув зубами в раздражающей улыбке, — я не отсюда. Но ты, я боюсь, всё равно ещё дитя. Я старше, чем выгляжу. Идём.

Он зашагал вперёд, поправляя одеяние с церемонностью ястреба, разглаживающего перья, и вышел из небольшого пакгауза, в котором они с Гхейтом прятались. Пакгауз удалённо соединялся с сетью туннелей под городом. Гхейт потащился следом, спотыкаясь в сковывающих движения кандалах.

Ночь пришла в купол-улей не прекращением света и воцарением темноты, но сильной поляризацией цвета. Рубиновый отсвет купола угас, оставив лишь мертвенно-бледные светильники, которые размазали свою лихорадочно-жёлтую пелену по каждой поверхности, обратив все гладкие изгибы и кривые в резкие грани света и тени. Хуже того, пёстрое буйство мерцающих красок и колеблющихся спектров света перед бит-клубами ухитрялось добавить свою цветастую проказу к ночи — выставляя каждую спешащую фигуру плоским вольфрамовым непотребством — толстые плащи и подбитые куртки полосовала шахматка лилового, синего, зелёного.

Гхейт втянул воздух, не обращая внимания на взгляды и наслаждаясь полной грудью жгучего холодного воздуха, который не застаивался годами подземной фильтрации, как воздух Подцеркви. Ему бы хотелось выходить наверх почаще.

— А-а, — сказал кардинал, вглядываясь мимо него в сумрак, — вот вы где. Заберите его, пожалуйста.

Группа силуэтов покинула темноту, стаяй набросившись на Гхейта даже раньше, чем он заметил их

присутствие. Газовое освещение отразилось от прикладов и стволов серого металла, высветив простую серую ткань военных шинелей и шлемов. Штурмовики, понял Гхейт, в голове зазвучала сирена. Верные слуги Иссохшего Бога.

В голове всё завертелось, он отшатнулся назад, шипя и браня себя за идиотское доверие кардиналу.

— Ублюдок! — крикнул он, в груди вскипела буйная волна ярости. — Имперский ублюдок!

Инстинктивно — в голове сверкали лишь вспышки — он разинул пасть, открывая с механическим щёлканьем ряд скрытых внутри бритвенно-острых клыков. Второй язык — хватательное копьё, окаймлённое крючьями и шипами — напряжённо вытянулся. Гхейт ощерился на нападающих, тело и душа бурлили яростью отчаяния.

— Эй, — раздался голос из-за спины, — оглянись-ка.

Приклад хеллгана, который держал наподобие дубины передний из второй группы штурмовиков, незаметно подобравшись сзади, ударил со всем изяществом падающего молота, закрутив его на месте и повалив на землю.

Спокойный голос, затерявшийся где-то среди туманности боли и ярости, произнёс:

— Хорошо. Вы принесли клетку, я надеюсь?

— Конечно, ваше высокопреосвященство.

Гхейт с трудом сел прямо, хрипя от ярости.

— Не спускайте с него глаз, — произнёс голос, его весёлая протяжность навсегда запечатлелась у Гхейта в памяти. — Я вас уверяю, он тот ещё проказник.

Приклад навис над ним снова, всё ещё окровавленный от первого удара, и когда он опустился, Гхейт выпал из сознания в радушную тьму небытия.

* * *

Ночная жизнь Гариал-Фола - в любое другое время бесконечная людская мантра трагедии и триумфа — этой ночью была отмечена лёгкой неуверенностью, диссонирующей нотой, которая прошла незамеченной теми из жителей, чьей жизни она касалась лишь краем — как знакомая мелодия, проигранная на полтона ниже. Броуновское движение гуляк и пьяниц, шлюх и жиголо, слоняющихся гангеров и шпаны — между ними и вокруг всего этого двигалось и распространялось что-то тёмное, некие незаметные провалы в поведении, которые расходились по городу невидимой волной.

Скрытые капюшонами фигуры торопились в одиночку и группами сквозь улочки, наполненные густым сумраком. Пошатывающиеся наркоманы на секунду прерывали свое идиотское шатание, ныряли туда-обратно в на вид случайные двери, затем снова принимались бессмысленно ковылять, будто ничего и не было. Вот компания молодёжи осмотрелась на относительно пустынной улице, прежде чем перетащить тяжёлые ящики из одного склада в другой; где-то богато одетый бизнесмен, споткнувшись, налетел на

платиновую шлюху, между делом незаметно передав ей пачку пергамента. По всему куполу-улью нарастали проявления секретности и конспирации, и если кто-то из обычных граждан что-то начинал подозревать, это сразу же преподавалось просто как ещё одна подпольная сделка, ещё одна транзакция теневого бизнеса, ещё одно небольшое нарушение закона в городе, который за прошедшие годы привык к коррупции и халатности.

Тихая и тайная, спрятанная за мириадами идиосинкразий и помешательств жизни в городе-улье, конгрегация Матери выскальзывала из своих нор и начинала серьёзные приготовления, проникнутая божественной целью.

* * *

Гхейт карабкался на поверхность сознания с неистовством, которое граничило с безумием. Как дитя, которому не терпится родиться, он с воем рвался из-под безмятежного полога небытия — каждый мускул напряжён, каждый нейрон горит жаждой мести. На дне родовой памяти он в избытке обнаружил инстинкты и реакции хищника, и даже прежде, чем пелена оцепенения спала с глаз, в голове у него уже выкристаллизовалась личность намеченной жертвы. Предатель. Враг. Арканнис.

Он заревел и завыл, затрясся, выпучив глаза; предательство, коварное как опухоль, запустило щупальца злобы в сознание. Враждебность обуяла его, разум затопило калейдоскопом впечатлений: картинок, звуков, запахов — все чувства до единого нацелились на идентификацию и уничтожение жертвы.

По обе стороны от него уходила вверх пологая аудитория, чем-то похожая на стены некоего обитаемого кратера; атмосфера оцепенения и вяло циркулирующая пыль как нельзя лучше характеризовали очевидную древность помещения. Со всех сторон его буравили ряды любопытных глаз: изборождённые морщинами лица, чья безжизненная кожа — как результат собственной стагнации — смотрелась абсолютно соответствующей архаичному окружению. Гхейт сначала по ошибке принял зрителей за статуи или тела, охваченные трупным окоченением: гротескные гомункулы, расставленные по какому-то безумному плану — изогнутые брови сведены вместе, на старомодных одеждах осела пыль. Но нет — когда его чувства раскрылись, со всех сторон хлынула мешанина запахов: безошибочно узнаваемая вонь человеческого сборища со всеми его нотками пота и разложения, кишечных газов и вони изо рта, дорогой ароматной шипучки и всевозможных остатков недавней трапезы.

К тому же, при каждом его движении — он рычал и дёргался — толпа едва заметно вздрагивала, бросая тревожные взгляды по сторонам, не в силах удержать высокомерный вид перед лицом столь близкого яростного безумия. Значит, они боятся его. Хорошо.

Но более насущным вопросом, однако, становилась растущая очевидность тщетности его собственных усилий. Мышцы вздувались, заставляя руки с растопыренными когтями выбрасываться вперёд, вспарывая и рассекая, рвать плоть и расчленять эти гериатрические мешки мяса, давая внутреннему свирепому монстру насладиться резнёй... Он видел всё это в голове, почти чувствовал железный привкус кровавого тумана в воздухе, почти слышал оборванные вопли своих жертв.

Но нет. Он оставался неподвижен. Заперт в похожей на рёбра клетке из алмазиевых прутьев и оков,

руки притянуты к груди так крепко, что с каждым вдохом локти тёрлись о бока, и каждый всплеск адреналина выветривался безобидно внутри металлической тюрьмы. И мало того, рычание его звучало заглушённо, снизившись до обиженного блеяния капризного ягнёнка. Рот наполнял металлический привкус толстого кляпа из металлической ваты, накрепко забитого под клыки и сцепившегося с шипастыми выростами языка. Реветь и рычать было бесполезно; цветистые ругательства, обращённые в бессмысленный лепет – вот всё, что он мог.

Он был образцом. Проклятым Матерью экспонатом.

По мере того, как последние клочья плотной пелены бессознательности уносило приходящим в себя сознанием, он осознавал, где находится. Даже будучи ребёнком Подцеркви, воспитанным общиной, далеко отмежевавшейся от сообщества купола-улья, он слышал о Тороидальном зале. Плюрократия, демонизированная поколениями его соплеменников, стала символом всего, что Гхейт презирал: бесплодности, мелочности и лицемерия, раздутого элитизма и разложения рядов. Слепой веры. Бессердечия. Он оказался пленником самого главного врага, которого с рождения был приучен ненавидеть и бояться, и по мере того, как их многоглазое внимание сдавливало его со всех сторон, его вой и бессильная ярость стихали, оставляя взамен угрюмость и безмолвие. Он был насекомым, которое рассматривали через лупу высшие слои власти.

— Ты уже закончил? — прогудел в тишине знакомый голос.

Гхейт замер, мгновенно узнав сардоническое растягивание речи кардинала. В поле зрения откуда-то сбоку прошелестели пурпурные одежды, безволосая макушка отразила яркий свет прожекторов, что освещали пол аудитории. Арканнис слегка изменился: цвет слоновой кости, присущий коже примациев и маелингаи, полностью сменил более тёплый оттенок, гораздо более человеческий с виду. Гхейт презрительно скривился, шокированный тем, что его обманула такая простая вещь, как слой грима.

Отделение из десяти гвардейцев, тех же, что обездвигили его, предположил Гхейт, расположилось через точно выверенные интервалы по внутреннему периметру помещения. Арканнис величественно прошёл по выложенному мрамором полу с отработанной бесстрастностью шоумена: демонстратор, представляющий зрелище взволнованной публике.

Гхейту хватило сообразительности промолчать, чтобы не дать им нового удовольствия лицезреть вспышки своей ярости. Внутри, куда не могло проникнуть даже острое внимание плюрократов, он выли и предавался кровавой расправе над самодовольным предателем.

— Как я уже говорил, — продолжил Арканнис, с проницательной улыбкой обращаясь к престарелым политикам, — мои расследования принесли результаты самой настораживающей природы... Как кардинала, моей самой малоприятной из священных обязанностей является забота о безгрешности моей паствы. Я прибыл на этот мир, досточтимые сэры, в ответ на вопросы, которые могли бы в других обстоятельствах считаться несерьёзными. Несоответствия в управлении собором, трудности со сбором средств, слабая посещаемость проповедей и всё такого рода. Сэры, я служу самому возлюбленному Императору — да славится Он — дольше, чем могу припомнить. Эта картина деградации и коррупции мне знакома. Я был свидетелем подобному слишком часто в прошлом, чтобы игнорировать это сейчас. Я прибыл сюда, господа, в надежде, что мои подозрения окажутся беспочвенными; что я смогу выбросить из головы своё беспокойство, как проявление паранойи или излишне фанатичного рвения. Увы, мои

опасения подтвердились.

На этом цветистая фигура развернулась и прошагала к клетке, тонкие пальцы потянулись сквозь прутья к Гхейту. Тому потребовалась вся до последней капли сила воли, чтобы подавить вспышку ярости от близости кардинала, прикусив нарастающий неистовый вой баньши, который бы, он понимал, не достиг бы ничего, кроме усиления его собственного ощущения беспомощности. Он переживал контакт ткани плаща с пальцами кардинала почти на атомарном уровне, со всей злобой, какую мог собрать, вперившись в орлиные черты.

Арканнис потянул ткань, удивив его: сила кардинала оказалась неожиданно велика. Капюшон треснул, упав с плеч Гхейта и полностью обнажив его голову под взглядами Тороидального зала.

Плюрократы, как и ожидалось, ахнули.

Гхейт позволил себе представить их впечатления о его внешности, правильно заключив, что для них — на их зашоренный и не признающий сомнений взгляд на то, что является нормальным — он должен выглядеть не меньше чем чудовищем. Идея позабавила и одновременно огорчила его: им никогда не придёт на ум, что он рассматривал их влажную биологию в том же свете.

Голова, продолговатая и гладкая по сравнению с их головами, скашивалась назад от острых бровей серией изогнутых гребней, венчаясь широкой оборкой хрящевых выростов, похожих на окостеневшую чешую какого-то глубоководного левиафана. Безволосая кожа головы, равномерно обесцвеченная до того же серого оттенка, что и на руках и ногах, плавно переходила неприятным рисунком в острый хитиновый гребень, который соединял основание черепа с пластинами горбатой спины. Там, где простая куртка открывала плечи, виднелись покрытые выростами суставы вторых рук, до сих пор тщательно прятавшихся в желобках, закрытых роговыми складками, которые разошлись, едва он двинулся. Гхейт сжал когти потайных рук, заслужив от зрителей очередной шёпот отвращения и ужаса.

Но именно лицо, как он предположил, взволновало их больше всего. Несмотря на скорбный лоб и почти альбиносский цвет кожи, он выглядел точно так же, как они. Симметричное и хорошо сформированное человеческое лицо с тонким носом, гордой линией подбородка и выдающимися скулами, завершаемое плавно обрисованными губами. Он улыбнулся, представляя себе их отвращение.

В нём они видели себя. Человечность, чистоту, невинность — какое бы определение сущности собственного вида они не выбрали. В Гхейте они увидели её загрязнённой, мутировавшей, инфицированной порчей ксеногенеза. Его уродливость была тем более сильной благодаря близкой схожести с человеком.

— Смотрите, — сказали Арканнис, широким жестом указав на Гхейта и кивнув толпе, — вот та ересь, что зреет у вас под носом.

* * *

Фигура без определённых очертаний — под свободным покровом, чёрным как пустота, угадывались лишь выпирающие острия — петляла между давно заброшенными вентиляционными решётками и миазмическими стоками отходов, которые шипели и булькали в тишине.

Здесь, среди заплесневелых опор зданий и секций решётчатого пола, обвисших и просевших за годы коррозии, единственным звуком было пустое эхо, беспрестанно резонирующее внутри километров трубопроводов и вентиляции. Выпирающие и апатично свисающие толстые пучки кабелей, электрическими грыжами пробивающих диафрагмальные стенки своих пластиковых каналов. Бесшумные крысы, блестя в сумраке чёрными жемчужинками глаз, бросались прочь с дороги бесформенной тени, бесплотным духом скользившей сквозь их мелкие владения.

И наконец бессистемный путь тени закончился; она изящно опустилась в нишу возле исходящей паром щели, методично напрягая и расслабляя каждый мускул по очереди, чтобы избежать надвигающихся судорог.

Здесь наконец-то были другие звуки. Металлическая пародия на голоса, искажённые плохой акустикой узкого лаза, идущего вверх из ярко освещённого помещения внизу.

Фигура уселась ждать, убивая время тем, что мимоходом накалывала на когти и снимала шкурки с тех глупых паразитов, что отваживались подойти слишком близко.

* * *

— Вполне достаточно драматических жестов, благодарю вас, кардинал, — звучный голос отделился от шума Тороидального зала, попутно заставив испуганных плюрократов замолчать. Гхейт, испытывая всё больше неудобств от тесноты клетки, увидел высокого мужчину в нарочито пышном имперском убранстве, поднявшегося из середины переднего ряда. Человек с отвращением указал в его сторону:

— В чём смысл этой... мерзости, кардинал?

— А-а, губернатор Ансев, — сверкнул Арканнис невесёлой усмешкой, которую Гхейт уже начал ассоциировать с раздражением. — Объяснения. Да, конечно. Насколько я владею опытом в подобных вопросах — которого, надо сказать, не очень-то много — полагаю, что вы смотрите на генокрада-гибрида в третьем поколении.

При упоминании слова «генокрад» зал наполнился шёпотом литаний и бормотанием молитв, вздохов ужаса и испуганных ругательств. Гхейт рассматривал их ужас с хищным интересом, несмотря на все свои страхи и ярость, озадаченный их знакомством с этим словом. Сам он никогда не слышал этого названия раньше и был смущён, что его ассоциировали с ним. Кто такие, думал он, эти «генокрады» — и если в самом деле термин относится к его расе, то как этим бесполезным хлыщам стало известно об её существовании?

— У вас есть чем подкрепить своё заявление? — побелев лицом, спросил натянутым голосом губернатор.

— Доказательство у вас перед глазами, губернатор, — ответил Арканнис. — Вы видели архивные материалы по ксеногенам, я надеюсь? Результаты препарирования образцов из разбившегося «Предвестника», который прошёл через ваш сектор два столетия назад? Схожесть физиологии поразительна даже для неспециалиста в ксенобиологии. Затем, конечно, дело улья Секундус: я так понимаю, там был раскрыт и зачищен несколько десятков лет назад культ генокрадов. Так ли невероятно, что щупальца Великого Пожирателя проникли также и в ваш город?

Теперь галдѣж достиг уже почти какофонического уровня, полные страха голоса звучали все одновременно. Губернатор, крутя в пальцах изукрашенную пачку бачных курительных палочек, обернулся к толпе и досадливо воскликнул:

— Тихо, будьте вы прокляты!

Гхейт мусолил колючий кляп свёрнутым языком и с жадностью ждал малейшей возможности для побега, чтобы обратить эту катастрофу в свою пользу, чтобы сделать хоть что-нибудь. Он был напуган — за себя и за Церковь — и это ощущение нисколько не успокаивало. Мысленно он повторял катехизисы к Матери, взывая проявить успокаивающую уверенность Её любви, которая до сих пор присутствовала в каждом аспекте его жизни.

— Вы простите меня, кардинал, — произнёс губернатор, стоя с серьёзным и замкнутым лицом, напускная напыщенность его словоизъявления совсем не скрывала недоверия, — если я покажусь... скептическим. Существует, на мой взгляд, противоречивость в ваших словах. Детали, которые, похоже, не укладываются в общую картину. Возможно, вы могли бы прояснить их?

— Да?

— В каких обстоятельствах, спрашиваю я себя, кардинал Экклезиархии взял бы на себя расследование столь серьёзной мерзости? Человек такого положения вряд ли стал показывать незнание надлежащих процедур в подобных ситуациях.

— Договаривайте, губернатор.

— Насколько я понимаю, кардинал, благословенная Инквизиция более чем сведуща в расследованиях подобной природы; без сомнений, именно они избавили улей Секундус от инфекции — и вы всё ещё считаете себя достаточно квалифицированным, чтобы делать за них работу? Вы прибыли сюда к нам без объявления, словно какой-то вольный торговец, притащили с собой уroda в клетке и свои рассказы, намекая на познания в ксенобиологии, ни больше ни меньше! Мало похоже на поведение святого человека, по моему опыту. Индивидуум вашей мудрости, кардинал — если вы на самом деле кардинал — наверняка поймёт моё недоумение.

Гхейт изучал лицо Арканниса, пытаясь расшифровать эмоции, которые скрывала кривая улыбка. Её значение осталось непроницаемым. К тому же, Гхейт посчитал вопросы губернатора совершенно уместными: действия Арканниса до сих пор были непохожи на действия имперского кардинала, и его чрезвычайные психические способности служили лишь доказательством, что назначение его на подобную роль было ещё более маловероятным.

Кем же или чем, тогда, он был?

— Мои поздравления, губернатор, — ответил Арканнис, улыбаясь ещё шире. — Ваша мудрость делает честь этому миру.

Снова двигаясь с неторопливой церемонностью, он поднял правую руку с раскрытыми пальцами так, чтобы её видели зрители. Перистальтическая волна прокатилась по толпе — плюрократы, нетерпеливо вытягивая шеи, старались разглядеть, какую же штуковину он показывает. Массивный серебряный перстень на среднем пальце, увенчанный рубином, который сверкал словно безукоризненная капля крови, поймал свет аудитории. Арканнис пробормотал вполголоса слово, сжал и снова разжал кулак.

Перстень замерцал, пульсируя какой-то внутренней жизнью. А затем, в еле слышном хоре шёпота и ахов, он расцвёл: излучая искрящийся поток света прямо вверх, отражаясь рубиново-красным от пылинок, кружащихся в воздухе. Внутри светового потока сформировался образ: искристая иллюзия, которая околдовала каждого в аудитории, которая вызвала волну отвисших челюстей и тихих стонов узнавания, излучая абсолютную и неделимую власть.

Даже Гхейт узнал этот символ; его затошнило, когда размах предательства Арканниса вышел наружу во всей полноте.

Символ завис в воздухе, поворачиваясь вокруг вертикальной оси в торжественном великолепии: чёрный с серебром параллелепипед, разделённый тремя чёткими горизонтальными полосками темноты.

Литера «I» с засечками, трижды перечёркнутая и увенчанная по центру черепом цвета слоновой кости.

— Я инквизитор Арканнис из Ордо Ксенос, — провозгласил кардинал. — И мои полномочия с настоящего момента более не обсуждаются.

Выдержка четвертая:

Отрывок, том II («Ангелы и нечисть»), «Примации: Клавикулус Матри»

О кастах детей Матери.

Низшие и самые многочисленные — контагии: инфицированные. Они — благословенное «мясо», марионетки конгрегации, награждённые свободой, которая приходит со служением. Когда они принимают Поцелуй, когда их несовершенная плоть смешивается с наследием Матери, они пробуют на вкус божественность.

Влияние, власть, образованность — вот цели контагиев.

Вторая ступень — маелигнаци: в ком плоть Матери — право по рождению, дар совместного происхождения. Те, кто относится к первому поколению, сыновья и дочери контагиев — животные.

Я не буду восхвалять их идиотизм, равно как и порицать его. Они не испорчены метаниями разума, их ценность измеряется в деторождении и разрушении. Они — военные машины и сосуды размножения Матери, неуклюжие и слабоумные, исполняющие приказы без всякой чёрствости или жестокости. Их жизнь коротка и полна необходимости боя и порождения. Они горят ярко и умирают быстро.

Их дети, гибриды второго поколения, самые истинные из хищников. Причудливость наследственности проявляется в них в полной мере — это культура уникальных экземпляров и непредсказуемых рождений, среди них нет двух похожих. Они могут быть выведены селективно: их родителей спаривают словно призовой скот, чтобы выделить определённую особенность. Скорость, силу, агрессивность. Таковы достоинства детей второго поколения.

И третье поколение. Самые истинные из гибридов.

Они дети, в ком защита человеческого генотипа практически преодолена. Дар плоти Матери может реализоваться по любому избранному замыслу; он избавлен от непредсказуемых успехов и поражений евгенической несовместимости. Их тела тщательно сформированы, их разум развит в сторону повиновения и знаний, их дух крепок. Они — преторианцы воли Матери, и во имя Её они служат и

добиваются могущества.

* * *

— Ваш город скомпрометирован. Ваша безопасность подорвана. Ваша чистота погублена. Семена ереси и мятежа дали всходы под сенью вашей халатности, и мы должны молиться Ему на Троне, что это открытие не оказалось слишком запоздалым.

Арканнис умолк, наслаждаясь вниманием объединённой Плюрократии. Он медленно смочил губы, выдерживая паузу, чтобы пробежать проницательным взглядом по рядам замерших лиц.

— Ответьте мне сейчас, граждане Гариал-Фола. Отдаёте ли вы себя под власть Ордо Ксенос? Будете ли вы делать то, что я скажу, когда я скажу, как я скажу? Будете ли вы повиноваться мне с уверенностью, что если сделать наоборот, это приведёт к вашему уничтожению? Скажите. Скажите мне сейчас.

Тишина накрыла собрание бархатным пологом, который топорщился на каждом позвончике и на каждой пупырышке гусиной кожи, покрывшей каждый дюйм жирной плоти. Даже Гхейт, слушавший, как кровь ревет в нём от жажды резни и кровопролития, ощутил силу слов Арканниса.

Губернатор поднялся с бледным лицом.

— Мы ждём ваших приказаний, милорд инквизитор.

Арканнис улыбнулся, и когда его зубы блеснули, словно созвездие кинжалов, побелевшая кожа на костяшках пальцев Гхейта начала кровоточить, натянувшись и треснув от абсолютной ярости, с которой он сжал кулаки.

— Хорошо, — сказал Арканнис, поджав губы. — Кто из вас представляет силы безопасности города?

Пухлый человек встал, заметно потев сквозь яркие одежды, на которых нелепые пятна узоров — возможно из уважения к его должности — располагались в цветистой имитации военного камуфляжа. Он корчился, напомнив Гхейту извивающегося червяка на крючке.

— Н-Нилем Версель, милорд.

— А ваша должность?

— Председатель. Э-э, п-председатель первого подкомитета по обеспечению гражданской и военной обороны.

Только что рассекреченный инквизитор изогнул бровь и покачал головой.

— Первого подкомитета? — повторил он с издёвкой.

У плюрократа от взгляда инквизитора ослабли колени, с трясущимися губами он маниакально закивал.

— Неудивительно, что ваш мир инфицирован, сэр, — презрение Арканнис не знало жалости, заставив Верселя упасть обратно на место. — Вы, избалованные дураки, были слишком заняты своими голосованиями, чтобы заметить аспидов, свивших гнездо у вас под жирными задницами.

Бурное негодование наполнило аудиториум, застоявшиеся пылинки закружились с новой силой и усердием.

— Здесь нет никого, кто представляет вооружённые силы? — сведя брови, сердито воскликнул Арканнис.

— Есть, — раздался голос.

Седеющий мужчина поднялся с периферии второстепенной скамьи. Покрытое шрамами лицо и поджарая фигура совершенно не сочетались с тучными телами тех, кто делил с ним ряд. Он профессионально кивнул Арканнису — равный поприветствовал равного.

— Вы не политик, я полагаю... — сказал Арканнис, улыбаясь.

— Я маршал вигиляторов Делакура, начальник участка, — голос, соответствуя внешнему виду, звучал буднично, почти расслабленно, лишённый напыщенной формальности, присущей плюрократам. Гхейт подумал, что маршал похож на человека, который вечно зол на весь мир, но не понимает почему.

— Вы завели привычку слушать управленческую чепуху толстяков, маршал?

— Нет, сэр. Не завёл. Меня вызвали для ответа на обвинения в жестокости, как оказалось. Некоторым из ваших «толстяков» не по душе мои методы, если вы уловили, к чему я клоню. Не то чтобы им хватит полномочий остановить меня...

Один или два политика с отвращением забормотали что-то себе под нос, но похожее на вакуум напряжение в зале вынудило их замолчать.

— Как весьма удачно для нас обоих, маршал, — буравящие глаза Арканниса блеснули. — Скажите мне, насколько далеко простирается ваша юрисдикция?

Маршал многозначительно хрустнул пальцами, жестокий рот растянула презрительная усмешка:

— Технически? Насколько хотите. Местные традиции не дают мне особой власти над СПО, но теоретически я могу привлечь всех.

— М-м... Мне нужен генерал, Делакура. Мне нужен кто-то, кто будет следовать моим приказам. Кто-то, обладающий властью над всеми вооружёнными силами и средствами.

Усмешка Делакура стала шире:

— Тогда я ваш человек, сэр.

Губернатор Ансев гневно вскочил на ноги, размахивая пачкой бумаг и папок, словно какой-то растрёпанный вентилятор:

— Это смешно, Арканнис! Вы не можете передать вооружённые силы всего улья ему! Этот человек психопат...

— Губернатор, — перебил инквизитор разъярённого чиновника, сразу лишив того всех признаков негодования, — минуту назад вы санкционировали мои абсолютные полномочия над всеми силами и средствами, имеющимися в вашем распоряжении. Ваши возражения опоздали. Сядьте и заткнитесь, или вас выведут.

Губернатор упал на место, разевая рот в немом ошеломлении. Гхейту пришло в голову сравнение с рыбой, задыхающейся на воздухе.

— Поздравляю, маршал. Начиная с этого момента, вы — главнокомандующий объединёнными силами вигилаторов и планетарной обороны Гариал-Фола. Вашим первым постановлением будет объявление военного положения. Введите комендантский час, если нужно. Уберите гражданских с улиц и сведите беспорядки к минимуму. Убедите их в... безотлагательности ситуации. Используйте все необходимые средства.

Улыбка Делакруа, и так уже напоминавшая кривой кошачий оскал, растянулась ещё шире:

— Как прикажете, милорд.

— Хорошо. Распространите информацию. Я хочу, чтобы каждый оперативник, каждый сержант СПО, каждый плебейский пехотинец и артиллерист знал: с этого момента мы в состоянии войны. В самом сердце города процветает община зла, и я намерен раздавить её. Целиком и полностью. Будет штабное совещание. Каждый офицер в чине от лейтенанта и выше обязан явиться. Смотрите, чтобы не было отсутствующих. Я выступлю с обращением к ним через... — Арканнис глянул на золотые часы, свисающие из рукава, — четыре часа.

— Где?

— Я предполагаю, у вас есть бункер управления в участке?

Делакруа кивнул, потрясённый скоростью, с которой развивается его карьерный взлёт, и лишённый воли абсолютной уверенностью приказов инквизитора.

— Тогда отправляйтесь. Смею сказать, вам предстоят большие дела, к которым нужно подготовиться.

Делакруа покинул помещение почти бегом, широкие, отделанные фресками двери с грохотом захлопнулись за ним, подняв слой пыли с литой поверхности.

— Что ж, — произнёс Арканнис, лучезарно улыбаясь среди молчания, — это оказалось довольно просто.

* * *

Неподвижная тень задрожала, затем напряглась, тонкие руки прервали зловещее развлечение. Полураспотрошённая крыса отлетела в сторону, утягивая за собой студёнистые внутренности.

Призрак осторожно выглянул из своей ниши, вцепился узкими когтями в края сырого канала, где прятался, и вытолкнул себя наружу, словно жуткая личинка, покидающая кокон.

Рядом из-под крепкой решётки, покрытой толстым слоем скопившейся за десятилетия пыли и плесени, пространство лаза рассекали планки света — параллельные полосы тёплого свечения, что сочилось из помещения снизу.

Сквозь изуродованные и расчленённые слои чужацкого мышления и абстракции, через многочисленные грани полнейшего безумия, разум существа почувствовал зов хозяина. Крошечный слабый голосок из самой глубины сознания, который пытался не подчиниться, который ругался на псионические приказы,

что захватили разум, захлебнулся.

Существо сунуло кривые когти сквозь прутья решётки и, полное предвкушения скорого действия, потянуло.

* * *

Гхейт пытался размять конечности, чтобы избавиться от неприятных мурашек, бегающих по мышцам. Клетка сжимала его со всех сторон, отпечатывая сетку грубых прутьев на обнажённом теле — шахматку кровоподтёков, которые быстро наливались синим и лиловым на альбиносской коже.

Несмотря на боль, он не сводил глаз с Арканниса, его тошнило от ненависти, которую не могли утолить никакие злобные взгляды и животное рычание. Так называемый кардинал стоял сияя в тишине аудитории, совершенно не обращая внимания на своего пленника; вся жёсткая формальность, которую он демонстрировал совсем недавно, внезапно и поразительно ушла — пропала в тот самый миг, как маршал Делакура покинул помещение. На взгляд Гхейта, его поза и поведение теперь напоминали взволнованного ребёнка, который со счастливым видом ждёт приближающегося начала представления. Имперский губернатор, потеряв терпение в затянувшемся молчании, поднялся с отчётливо слышимым вздохом, в голосе явственно ощущалось раздражение:

— Инквизитор, что конкретно вы намерены делать?

Арканнис закатил глаза:

— Губернатор, я начал уставать от ваших выпадов. Я же приказал вам молчать.

— Но...

— Сеть! — слово отрезонировало из-за пределов материального мира, налитое псионической силой, вызвавшей рябь и мельтешение в воздухе. По всему аудитории те плюрократы, кто привстал, чтобы вполголоса обсудить какие-то вопросы с соседями, или откинулся слишком сильно на спинку дивана, или преклонил колени возле скамьи, чтобы помолиться, осели на место с испуганным взвизгом. Слово расширяющееся кольцо движения, собравшиеся политики оказались вынужденными сеть прямо, не способные не подчиниться ментальной команде, которая ударила в самую середину разума. Даже стоявшие навтыжку по периметру помещения охранники рухнули на пол, словно из них выдернули все кости, осев на скрещенные ноги, прежде чем через мгновение сконфуженно подняться обратно. Для Гхейта псионическая команда стала пыткой, вынуждая сложиться сведённые судорогой ноги, заставляя его ещё жёстче вжаться в прутья, которые отказывались прогнуться или сломаться.

Арканнис, глядя с кривой улыбкой на безумие, хихикнул себе под нос:

— Ой.

И тогда в Тороидальном зале раздался шум — резкий скрежет, вырвавший у собрания стоны ужаса, которые постепенно становились всё громче.

— И-император, сохрани! — забормотал губернатор, не отрывая глаз от потолка. — Что это?

— Это, — ответил Арканнис, не утруждая себя поднять голову вместе с остальными, — звук рвущегося адамантия. Есть в нём что-то почти... первобытное, вы не находите?

— Охрана! - в ужасе завопил губернатор.

— Верно... Верно, хорошая мысль, — улыбнулся Арканнис. — Охрана, приготовиться.

Десяток штурмовиков серией механических щелчков перезарядили хеллганы, встали в позиции поустойчивей и изготовились к стрельбе. Ни один не проронил ни слова и не поднял ствол, чтобы прицелиться в сторону источника звука.

Разум Гхейта закружился, попав в паутину замешательства. Он был уверен, что упустил что-то, какой-то кусок головоломки, но всё его внимание занимала ослепляющая ярость от предательства кардинала. Стремление понять — результат его уникальной и причудливой биологии — оказалось раздавлено и похоронено под лавиной гнева.

И тогда Арканнис подмигнул ему.

И тогда вентиляционный короб под потолком аудиториума просел и рухнул, словно металлический труп с перебитым позвоночником.

И что-то последовало за ним вниз. И мир сошёл с ума.

* * *

Где-то на задворках кружащегося разума безумное существо фиксировало звуки ружейного огня. Гулкий и неприятный грохот хеллганов раскатывался в воздухе, гиперчувствительная кожа существа воспринимала его как ритмичные удары молота.

Оно счастливо запело себе под нос, уже ощутив безошибочный запах крови, широко развело конечности, словно спускающийся на паутинке паук, и нырнуло из разорванной отдушины отвесно вниз. Существо приземлилось на ноги — конечно же — и улыбнулось. И не переставало улыбаться.

Толстые мешки плоти перед ним визжали и нечленораздельно бормотали, или замирали с глазами размером с тарелку и распахнутым ртом. Оно дирижировало руками непринуждённо и рефлекторно, видны были лишь бритвенно-размытые очертания тёмной кожи и хитинового экзоскелета, бесшумные и неуловимые.

Голова ближайшей добычи — жирные подбородки тряслись от крика — слетела с шеи, на лице расплылось выражение крайнего замешательства. Резня, бесшумная и аккуратная, покатилаь сквозь толпу — одетая в тёмное и неуловимая глазом. Вот рука отделена у локтя — безупречный срез оставил губчатое плато мускулов, жил и кости. Там кишки, выпущенные из тесных застенков тюрьмы живота, вываливаются с упругим весельем, шлёпаясь на пол и собираясь в кучу.

Существо танцевало сквозь толпу, словно смеющийся бог, напевая и хихикая себе под нос, и где бы оно не проходило, люди умирали, даже не успев увидеть своего сумасшедшего убийцу.

* * *

Гхейт наблюдал за развитием всего этого с заторможенным ужасом и растущим замешательством, дрейфуя по морю абсурдных событий и противоречивых ощущений. Крики поднялись почти до невыносимого визга, заглушаемого лишь беспрестанными залпами хеллганов, остановив карусель его мыслей, даже не дав ей разогнаться.

Словно стервятники, усевшиеся на периферии какой-то изысканной казни, штурмовики стояли вдоль края чаши аудиториума, расстреливая тех суматошных плюрократов, кто осмеливался к ним приблизиться. Невзирая на грохот оружия, политики рвались наверх, распахнув свинячьи глазки и цепляясь за высокие ярусы сидений. Выстрелы рвали и обжигали яркую ткань, взрывная сила выстрелов вышибала фонтаны крови, сломленные и простреленные тела валились и опрокидывались назад, сминая соседей, осколки костей и драгоценности сыпались следом.

А внизу, подстёгивая их ужас, провоцируя на неуклюжее комичное восхождение, в толчее тел кипела грозовая туча. Где-то в её сердце находилась фигура — Гхейт мельком смог различить только это — но её черты и силуэт были за пределами даже его восприятия. Когда она прорезала себе жуткий путь сквозь толпу, подскакивая и пригибаясь, чтобы избежать гейзерных выплесков артериальной крови и отсечённой плоти, Гхейт узнал погребальный покров спутника кардинала — тонкой фигуры, которая сопровождала Арканниса из внешнего мира. Он вспомнил, как отметил позу воина, дисциплинированные движения, ауру самообладания.

Изменение было поразительным. Фигура превратилась в божество ножей, в шута скальпелей, в дервиша расщепления, который разнимал мышцы словно воду и разрубал кости словно мягкое дерево. Бурун кровопролития расплёскивался концентрическими кругами, словно рисуя алый цветок мандалы, включающей в себя каждую скамью, каждый мраморный выступ, каждое искромсанное тело. Стайка отсечённых пальцев порхнула в воздух и отчётливо пробарабанила по клетке Гхейта. Он едва обратил внимание, зачарованный опустошением.

— Она наслаждается... — сухой голос раздался настолько близко от уха Гхейта, что заставил его вздрогнуть. Он повернул голову насколько позволяла клетка, обнаружив рядом Арканниса, с тихой улыбкой наблюдающего за неистовой бойней. Кружевная струйка крови, хлестнувшей из какого-то неуловимого разреза где-то в Тороидальном зале, мазнула по его лицу изящным рубиновым штрихом. «Хмм,» — было единственной реакцией.

Гхейт, не имея возможности говорить, подумал: «Она?»

— О да, — ответил Арканнис на невысказанный вопрос, вынув из кармана шёлковый платок и элегантно стерев мазок. — Её зовут Трикара. Она ещё та артистка.

Мимо пролетело глазное яблоко, зрительный нерв крутился вокруг него, словно бешенное лассо.

— Хочу заметить, — сказал Арканнис, с заговорщицкой ухмылкой склонившись к Гхейту, — она весьма склонна покрасоваться.

Вонь крови и порохового дыма затопила обоняние Гхейта, запуская инстинктивные ответные реакции, скрытые глубоко в генах, пуская по подбородку нити слюны из-под кляпа и ещё сильнее напрягая сведённые мускулы.

— Я бы не пытался с этим бороться, дитя, — сказал Арканнис, глядя на него прищуренными глазами. — У тебя это в крови. Нельзя убежать от своего происхождения.

Гхейт подумал: «Ты читаешь мои мысли...»

Кардинал усмехнулся, как родитель, которого позабавила наивность ребёнка:

— Ты только сейчас понял?

«Ублюдок! Ты предал Матерь!»

— Предал? В самом деле предал? Возможно, тебе стоит озаботиться и глянуть ещё раз.

Гхейт оторвал взгляд от инеистых зрачков, ошеломлённый опустошением, которое за скупые минуты, прошедшие с начала нападения, уже залило всё помещение. Словно ожесточённый вихрь, состоящий из тысячи кружащихся бритв, пронёсся по Тороидальному залу. Сейчас в живых оставалось лишь несколько плюрократов, суматошно бегущих и спотыкающихся; едва различимый ассасин приближался к ним.

— Мне кажется, — сказал Арканнис, игнорируя ещё звучащие одинокие вопли, — что я вовсе не предавал Матерь.

Разум Гхейта кружился, обессиленный и сбитый с толку. В центре сознания билась мысль, которую невозможно было скрыть: «Я не понимаю!»

— Увы, — вздохнул Арканнис, опустив брови в убедительной имитации симпатии, — твоя способность понимать переоценена. Сегодня, с твоей помощью мы полностью уничтожили самого могущественного врага Матери и спровоцировали крах всех остальных.

«С моей помощью? Ты посадил меня в клетку... Я не сделал ничего!»

— О нет, ты сделал. Ты помнишь моего доброго друга маршала Делакруа? Когда до него дойдут известия, что вся администрация мира обнаружена в таком виде — убитая, разорванная на куски каким-то диким животным, как, ты думаешь, онотреагирует? Он вспомнит огрызающегося зверя, которого предъявили Плюрократии, и придёт к совершенно ошибочному выводу...

«О-он решит, что я вырвался на свободу... Он решит, что это сделал я!»

— Очень хорошо, Гхейт. Ты не так туп, как я боялся. Да, маршал Делакруа, только что назначенный генерал оборонительных сил Гариал-Фола, чей красочный послужной список приписывает ему историю чрезмерной реакции и рвения, разнесёт вести, что культ порочных еретиков, способных пробиться сквозь адамантий и уложить целое отделение штурмовиков, процветает в сердце его мира. Он введёт своё несчастное военное положение и навалится на преступников и нарушителей комендантского часа словно каменная лавина... Я уже встречал таких как он, Гхейт. Они думают, что панику можно задавить, заткнуть пробкой как бутылку какого-то редкого вина. Нельзя. Чем сильнее давишь, тем сильнее она становится. Наш друг Делакруа, поверив всему, что услышал сегодня в этом зале, и горя силой и мщением, посеет семена раздора и волнений гораздо эффективнее, чем ты или я вообще когда-нибудь смогли бы. Когда восстанет паства верных детей Матери, они встретят население, уже пребывающее в смятении, затоптанное военным режимом, запуганное тенями и недовольное тиранами, которым положено защищать его. Какие ещё обстоятельства могут лучше подойти для мятежа?

«Но Делакруа будет готов! Он нападёт на Церковь!»

— Я не отдавал ему таких приказов, Гхейт. Ты слышал, что я сказал. Я приказал ему организовать штабное совещание, помнишь?

«Но...»

— Скажи мне, дитя. Как ещё могли бы мы, верные дети Матери, создать ситуацию, когда все старшие офицеры нашего врага собрались в одном месте и в одно время?

Гхейт чуть не подавился, потрясённый и испытывавший благоговейный ужас перед глубиной интриги, придя к невероятному выводу: «Ты знал, что он будет сегодня здесь... Это было вовсе не совпадением...»

— Очень хорошо. В моей работе не бывает совпадений. Я просмотрел повестки дня Плюрократии ещё в космосе, несколько недель назад, и подгадал, чтобы моё прибытие совпало со слушанием дела маршала. Всё просто.

«И в чём же состоит твоя работа, «кардинал»?»

Лицо Арканниса посерьёзнело, кривая улыбка исчезла. Он уставился прямо на Гхейта, не оставляя в голове гибрида места сомнению и неуверенности, заполнив всё его сознание пронизывающей глубиной своих глаз:

— Я — Элюцидиум, — сказал он и, сняв ключ со шнура на поясе, отпер клетку, удерживающую пленника.

* * *

В своём логове, развалившийся в бессмысленном ожирении на поддоне гниющего мяса, заляпанный свернувшейся смолой собственной слюны, патриарх замер.

Прервалось бессмысленное бормотание; хаотичное вращение крошечных свиных глазок прекратилось с чем-то, напоминающим сосредоточенность, и в то время, как три контагия, избранные для ухода за гротескным мессией, бродили вокруг в безмозглом замешательстве, он выпрямился.

Жабо из атрофированной плоти, сегментированной и сморщенной веками бессилия, собралось и обвисло, словно намоченное парное мясо, выдавливая слизь из пота и мёртвой кожи, что покрывала двинувшегося бегемота. Частицы разрушенных хрящей — не более чем мелкие обесцвеченные чешуйки хрупкого хитина — осыпались с разноцветного панциря, словно снег. Он сжал человеческие кисти вторых рук, костяшки захрустели, как сухая щепка, окостеневшие когти щёлкнули друг об друга.

Никогда прежде на памяти конгрегации тучная горгулья не была ничем иным, кроме как растением. Его существование было больше символическим, чем практическим: аватара Матери, вокруг которого сосредоточено поклонение и почитание. Идол, столь же бесчувственный и необщительный, как и стилизованные статуи Императора людей, вырезанные в гипсе и слоновой кости в соборе наверху.

Патриарх был глифом, символом, центром преклонения. Более ничем. Так было всегда. Но не теперь.

Он грузно сел на корточки, рассматривая и сжимая руки с безмолвным восхищением — ребёнок,

впервые осознавший себя. Загнутые крючья основных рук, длинные серпообразные когти с блестящими сухожилиями у основания, сжимались с протяжным скрежетом, словно ножницы, острые края мелодично терлись один об другой.

Контагии, не понимающие этой новой ситуации и не получившие соответствующих приказов, не зная, что с этим делать, похоже отключились, отрешённо глядя в никуда.

Пурии не страдали подобной идиотией. Они сбегались из сумрака, выскакивая из бесчисленных туннелей и стоков, распахнув длинные руки и страшные когти в жуткой пародии на человеческое приветствие, призванные пробуждением своего сильнейшего и древнейшего собрата.

Ощувив растущее возбуждение конгрегации, выдернутый из своей коматозной бесчувственности всплеском устремлённости и предвкушения, которые чувствовала Подцерковь, патриарх очнулся, чтобы возглавить канун давно ожидаемого восстания своей паствы.

* * *

Тело Гхейта действовало независимо от разума. Вспышку животного бешенства, обойдя интеллект, подпитали самые базовые инстинкты. Прежде, чем его чувства полностью включились и он заметил открытие клетки, его руки уже сомкнулись на глотке Арканниса, вторые руки-серпы нацелились резать обнажившуюся шею человека. Он метнулся, словно какая-то злобная рептилия, толкнув своего врага на пол и вспрыгнув ему на грудь, и напрягся для удара, который вскроет горло так называемого кардинала в восхитительно-прекрасном фонтане крови.

— Маелигнаци, — произнёс из-под него Арканнис твёрдым голосом, на лице не отразилось и намёка на страх или рассерженность за нападение, — подожди.

Гхейт судорожным взмахом когтя срезал ремешок кляпа с лица, не обращая внимания на длинный порез, который при этом нанёс себе. С облегчением выплюнув комок металлической ваты, он пощёлкал челюстью, чтобы ослабить боль.

— Ты умрёшь, инквизитор! — зарычал он, потерявшись в буре сознания и подняв серпы над головой.

— Я не инквизитор, дитя. Ты это знаешь.

— Ты лжец!

Арканнис улыбнулся:

— Есть две причины, — сказал он, — почему ты меня не убьёшь. Первая такова. Я не лгу. Я только что произвёл геноцид имперской администрации, Гхейт. Пошевели мозгами.

— Я видел перстень! «I» — символ Инквизиции! — его уверенность опасно зашаталась под грузом слишком многих вопросов без ответов, слишком многих запутанностей.

— Сувенир. Я убил больше юродивых Инквизиции, чем могу припомнить. Они не очень охотно делятся своими маленькими побрякушками, по моему опыту.

— То есть... т-ты считаешь, я сейчас поверю тебе? Ты думаешь, я идиот?

— Нет, дитя. Совсем наоборот... Что приводит меня ко второй причине, почему ты не станешь меня убивать.

— Да ну?

— Ну да. Потому что ты умрёшь прежде, чем двинешься хоть на дюйм.

Краем сознания Гхейт смутно ощутил на горле давление чего-то острого — несильное, но... настойчивое. Отстранённо, как будто это происходило в другом мире, он отметил, что крики и вопли Плюрократии смолкли. Плечо с притворной дружественностью сжала чья-то рука, бритвенно-острое касание под подбородком усилилось.

Усмешка Арканниса стала шире:

— Гхейт, познакомься с Трикарой. Трикара, это Гхейт.

Тварь позади него тихо зашипела и хихикнула, нотки веселья в бредовых модуляциях голоса звучали смутно женственными. Смешки не помогали самоуверенности Гхейта, как и его сосредоточенности.

— Теперь, — сказал Арканнис, лёжа на мраморе и явно не обращая внимания на своё низменное положение. — Ты маелигнаци необычного ума, Гхейт. Я предлагаю тебе им воспользоваться.

— Но... я не...

— Ты не понимаешь — да, мы это уже выяснили, — очередная улыбка озарила прижатое к полу лицо. Гхейт поборол порыв расцедить его надвое. — Но подумай об очевидном. Одним махом, ценой лишь твоей уязвлённой гордости, я создал чёткую цепь обстоятельств, которых ваша бесплодная жалкая конгрегация должна была добиться годы назад. Я подорвал стабильность города, я отрезал его жирную голову и заставил военных сунуть свои длинные руки в капкан... И теперь ты, Гхейт, хочешь убить меня за то, что я вынудил тебя постоять в клетке? Совсем не такой самоотверженной преданности я ожидал от верного сына Матери, парень.

Гхейт почувствовал, как горят щёки от ненависти к усмехающейся фигуре.

— Так почему я? И почему ты не сказал, что планировал?

— Потому что мне нужна была реакция. Мне нужен был убедительный маленький монстр.

Гхейт нахмурился, всё ещё не понимая. Арканнис закатил глаза:

— Негодование, Гхейт. Мне нужно было негодование. Мне нужен был кто-то, кто будет рычать и выть словно зверь. Всё это... это предательство и ярость, которой ты держался так безупречно... Я хотел, чтобы она бурлила из каждой поры. Ты видел других маелигнации Подцеркви. Пустоголовые существа, Гхейт. Марионетки. В них нет твоего духа.

— Я нужен был тебе как алиби.

— Точно. Малейший намёк, что ты доверяешь мне... что мы союзники... испортил бы всё, — он хмыкнул.

— Без обид, а?

Гхейт смотрел на него, усилием разума подавив уязвлённую гордость. Ненависть ещё пошипела и стала умирать. Обида на предательство — ничто по сравнению с долгом перед Матерью.

— У тебя есть доказательства всего этого? — огрызнулся он, кипя изнутри упрямыми остатками рассерженности.

Арканнис снисходительно улыбнулся, холодные глаза сверкнули:

— Подумай вот о чём, дитя: я мог бы уничтожить тебя в любой момент. И всё ещё могу, кстати. А ты тут, живой, сердитый и опасный. Не очень похоже на работу предателя, осмелюсь сказать... К тому же... Доказательства у тебя перед глазами. Оглянись.

В первый раз с начала необычного разговора Гхейт отвёл взгляд от распостёртого кардинала и посмотрел на побоище. Фигура позади него, всё ещё прижимая скальпель когтя к такой человеческой коже горла, хихикнула в тишине.

Перемешанные тела валялись, словно разбитые скульптуры, жирные обрубки коагулировались на мраморе. Отсечённые руки торчали, словно бледные ветки, безжизненно цепляясь за воздух. Лица со срезанной кожей улыбались безгубыми ртами, глазные яблоки висели, мёртво пялясь на месиво высвобождённых внутренностей. Тороидальный зал целиком превратился в непотребное произведение столь выдающейся патологии и эстетического извращения, что даже Гхейт под спудом таких человеческих слабостей, как отвращение и страх, ощутил в первобытных глубинах сознания восхищение. Среди трупов остались стоять только штурмовики, опустившие наконец оружие; серая форма промокла от брызг крови и клочков плоти.

Арканнис понаблюдал, как Гхейт впитывает всё это, и едва заметным проблеском внимания безмолвно приказал кровожадной спутнице разжать руку. Гхейт выпрямился, слишком ошеломлённый, чтобы говорить, кардинал встал рядом, взмахнув фиолетовой тканью.

Ещё не выйдя из ступора, Гхейт, даже не зная, чего ждать, позволил блуждающему взгляду упасть на фигуру, которую Арканнис назвал Трикара.

То, что под плащом она оказалась гибкой и атлетичной, было полностью ожидаемым, но всё равно хрупкая фигура — настолько тонкая, что выглядела не более чем обтянутым кожей скелетом, который, казалось, вот-вот сломается — вызвала у Гхейта вздох удивления. Одетая в бестекстурный облегающий комбинезон эбеново-чёрного цвета, грубо простёганный чёрным шнуром, который только подчеркивал экстраординарную длину конечностей, она двигалась словно нефть, текущая сквозь камни; словно тонкая игра тьмы в сердце пересекающихся теней.

Руки сразу приковали внимание Гхейта своей неуместностью — рядом с эластичной чернотой её гардероба они выглядели чудовищно и в то же время элегантно: отвердевшая бледная, почти белая плоть переходила в шишковатые пластины хитина, столь обычные для его расы. Длинные сегментированные пальцы, словно лапы какого-то ракообразного цвета слоновой кости, заканчивались загнутыми когтями, похожими на лезвия серпов, блестящими от свежей крови. Когти втянулись внутрь с влажным скрипом, вызвав очередной смешок владелицы.

Её лицо поразило Гхейта даже больше, чем когти мясника. Твёрдо сидящая на лебединой шее головка была создана почти с кошачьей эстетикой: широко расставленные скошенные глаза, нос — едва

заметный бугорок, экстраординарно выступающие скулы, рот — не более чем крошечная чёрточка. Даже рябь хрящевых гребней надо лбом, характерная для тех, кого коснулась Матерь, не могли разрушить экзотической красоты лица, кожа на котором почти светилась. Арки ушей, гордо торчащие из-под копны угольно-чёрных волос, заострялись кверху длинными округлыми кончиками.

Трикара пустила слюни и хихикнула, мгновенно разрушив свою лаконичную — неважно насколько чуждой она была — красоту. Указав длинным пальцем в сторону беспорядочных нагромождений остывающего мяса, которое так недавно было Плюрократией улья-купола, она встретилась глазами с Гхейтом и сдавленно фыркнула, словно кокетливая девица проведя по губам влажным языком. Послышался стон.

— А-а... - довольно протянул позади него Арканнис. — Подарок для тебя, Гхейт. Думаю, ты понравился Трике.

Это был губернатор, и он был мёртв. Почти.

* * *

Выдержка пятая:

Внутренний отрывок, том II («Ангелы и нечисть»), «Примации: Клавикулус Матри»

Высшая каста – это мои братья, примации: потомки четвёртого поколения.

В нашей биологии наследие достигло своего зенита, спрятав внутрь эксцентричность и грубость форм, воздействовал своим мастерством изменения на разум, душу, сущность. Мы, из всей паствы Матери, лучше всех способны творить, рационализировать, воображать. Мы, кто вкусил разумности и возложил её пьянящие дары к стопам Её Божественности — мы истинно самые благословенные из Её детей.

Примации выводятся с предрасположенностью к аскезе и интеллектуализму; наш разум затачивается до остроты лезвия, наши вкусы и удовольствия освобождены доверием Матери. Мы можем использовать свой интеллект так, как считаем нужным, ведя всю общность паствы Матери к самой божественной, самой совершенной, самой абсолютной цели:

Её господству.

Она идёт; благословенна будь!

* * *

Возвращение в прохладные туннели Поддержки исполнило Гхейта большим облегчением, чем он мог предположить. Всё ещё не отойдя от неожиданных событий вечера, голова гудела от мыслей и чувств — его особенных слабостей. Он следовал за Арканнисом и Трикарой по катакомбам, и приглушённая суэта среди смоляного сумрака вокруг лучилась вниманием других маелигнаци; неуклюжие и идиотские или

лощёные и злые, они следили, как он проходит мимо, с безразличием, которое – в этом он обманывал себя — граничило с презрением. Говоря по правде, он интересовал их не больше, чем все остальные. Маелигнаци внимали лишь прямым приказам Совета.

Они никогда особенно ему не нравились: избавленные от закомплексованности и страданий, которые приходят лишь со способностью чувствовать. Для них была животная простота, абсолютная преданность и преклонение перед волей Матери (проводником которой, как регулярно не забывал напомнить Совет, служили примации), чему Гхейт порой завидовал.

Воспоминания о расправе над губернатором Ансевом (пищащим, как крыса, толстые сухожилия на локтях и коленях рассечены и кровоточат) наполняли Гхейта виноватым удовлетворением. Подарок, как сказал Арканнис. Подарок, чтобы помочь ему выпустить злобу и ярость, распиравшие разум, словно опухоль, сбивая мысли и притупляя чувства. Он был поражён скоростью, с которой события потеряли ясность, заманив его в самое сердце какого-то невероятного и запутанного обмана. Магус, изображающий инквизитора, изображающего кардинала; Гхейт с удовольствием воспользовался шансом отвлечься от смятения, потерявшись в тумане жажды крови.

Ненадолго он вкусил звериную простоту своих собратьев. Ненадолго он позволил монстру покинуть эмоциональную клетку и галопом пробежаться сквозь хрупкую оболочку абстрактного мышления и рассудка, которая была его главной слабостью. Ненадолго он попробовал, что значит быть маелигнаци — настоящим, искренним, чистым, а не проклятым Матерью уродом с разумом человека.

Ненадолго он вкусил кровопролитие, и когда смотрел вниз на дело своих рук, на когти, блестящие и липкие от человеческой крови, на искромсанное желе плоти, которое было всем, что осталось от губернатора Ансева — он восторгался полнейшей животной очевидностью этого.

Длилось это, конечно, недолго. Да и как могло быть иначе? За мгновения путы надежд и мечтаний сплелись заново, оковы и самообман достоинства, ответственности и сентиментальности восстановились, иллюзорный ганглий эмоций снова сжал в своих щупальцах мозг, словно какой-то хищник. И сейчас, час спустя, источая тяжелую вонь высыхающей крови, он снова шагал среди конгрегации Матери как пария, как чудище, как урод.

Его чувства к облачённому в пурпур кардиналу тоже было трудно определить. Где-то в тёмных уголках разума он не мог отрицать, что угли обиды всё ещё тлеют, но, давным давно поняв, что подобные сантименты — лишь симптомы его аномалии, изо всех сил старался не обращать на них внимания. Вокруг всего этого вращалась беспорядочная и кипучая туманность из веры и недоверия; спутанные клубки впечатлительного благоговения, неприязни, изумления. Он любовался ловкостью приёмов «инквизитора», восторгался запутанностью обманов Арканниса, но превыше всего остального старался понять своё отношение к мотивам этого человека. Кардинал, инквизитор, магус: который из них был настоящим Арканнисом?

Гхейт держался в шаге от своих спутников, Трикара — снова надевшая капюшон и запахнувшая плащ — поражала его в той же степени, что и её хозяин. Он задал вопрос, который не давал ему покоя с того момента, как он увидел её, ещё там, в превратившемся в разорённый склеп Тороидальном зале:

— Что она такое?

Арканнис подмигнул, на лице неторопливо появилась снисходительная улыбка, которая снова заставила

Гхейта ждать какой-то обманчивой полуправды, какого-то сомнительного ответа.

— Ты слышал, — спросил кардинал, — об эльдар?

Гхейт не слышал. Невообразимое объяснение кардинала заставило его вцепиться в те немногие идеологические опоры, что ещё остались в жизни. Выяснить так поздно, что человечество — не единственная раса среди врагов Матери, что на самом деле существуют мириады цивилизаций и культур, разбросанных среди звёзд, одна другой могущественнее и страшнее — и каждая жестока, зашорена и враждебна к простой привязанности и преданности Церкви Матери: Гхейт на миг почувствовал будто падает.

— Семя Матери, Гхейт, посеяно среди каждой расы. Ты думаешь, заражение ограничивается податливой плотью человечества? Ты думаешь, избранники Матери не процветают где-то ещё?

— Ч-что?

— Эльдар, орки, тау, хруды... Контагии — адаптивная порода, дитя.

— Я не по...

— Трикара маелигнаци, как и ты.

— Н-но... Но её предки не люди?

Очередная улыбка, теперь — признание правильного ответа.

— Очень хорошо... — Арканнис поджал губы, глядя с ледяным напряжением, как Трикара рядом пускает слюни и хихикает.

— Печально, — сказал он. — Биология эльдар гораздо менее... груба, чем человеческая. Заражение требует намного больше поколений, чтобы достичь мутации приматов. К тому времени, обычно, сообщество гибридов обнаруживают и зачищают. Эльдар без бдительности — ничто. Я нашёл Трикару случайно в ходе своих путешествий. Она из пятнадцатого или шестнадцатого поколения, насколько я могу сказать. Хех — абсолютно безумна, конечно, но довольно опустошительна, я думаю, ты согласишься. И она делает что приказано. Разум эльдар — странная штука, Гхейт... Блестящий, острый, многогранный... но его так легко разбить. Как фальшивый бриллиант.

С этим Арканнис вынырнул из какого-то похожего на транс самонаблюдения, в которое погрузился, и нетерпеливо щёлкнул пальцами, собирая отделение штурмовиков в середину Тороидального зала.

— Контагии, — объяснил он в ответ на косой взгляд Гхейта и стянул противогаз с одного характерно отсутствующего пустого лица для демонстрации. — Я заставил Совет предоставить их под моё попечение. Думай о них, как о жертвенных агнцах.

Без какой бы то ни было устной команды Трикара затуманилась на месте; серия мимолётных впечатлений пронеслась, словно кусочки пазла, перед глазами Гхейта. Тут он заметил руку, там коготь, мелькнувшую улыбку или подмигивающий глаз. А потом не осталось ничего, кроме мяса, красной дымки и хихиканья Трикары.

— Будет похоже, будто здесь произошла перестрелка, — сказал Арканнис, осматривая сцену пронизательным взглядом. — Они обнаружат трупы с пулевыми ранениями и решат, что штурмовики в панике палили во все стороны. Попытались убить врага, который — хех — уворачивался от пуль и резал их

на куски. Они всегда слепы к самым очевидным объяснениям, эти человеки.

Гхейт огляделся и увидел, с осознанием, которое потрянуло его от окантованных железом ботинок до макушки окостеневшего черепа — словно огромная кровавая волна врезалась в сознание, — что он был одним из трёх оставшихся живых в помещении, полном изрубленного и расчленённого мяса. Он не мог с уверенностью сказать, какие чувства это в нём вызывает, но, когда Арканнис уводил его и Трикару прочь, в затхлую городскую ночь, не мог отрицать, что часть его — какой-то тёмный дикий кусочек, который жил несмотря на его проклятие разумом — жаждала остаться на месте увлекательной бойни.

Сейчас, после возвращения в прохладу Подцеркви, подобные абстракции выглядели далёкими и бесплотными, их затмила реальность смоляных ниш и альковов туннелей. Шаг Арканниса, измеряемый ритмичным стуком посоха, уводил Гхейта и его спутников всё глубже, в частные помещения примациев-советников, мимо кельи его хозяина и дальше, неумолимо приближаясь к зарешёченному входу в личные владения архимагуса Иезахили.

* * *

Стальной сапог военного положения обрушился на Гариал-Фол с намеренной жестокостью при полном одобрении своего владельца. Маршал Делакура со штатом советников разрешил превышение полномочий при контроле и усмирении, в чём ему давно отказывали, и ввёл второпях придуманные правила комендантского часа в погоне за гражданским сдерживанием. Не помогло.

Действия Делакура были характерно прямолинейными. Приняв ответственность за подготовку города к потенциальной войне, он принялся подпитывать страхи населения с почти высокомерным презрением: объявляя о своих полномочиях через медиавизоры и телевещательные каналы, гремя из громкоговорителей для публичных сообщений, глядя с недовольной угрозой с уличных экранов и новостных ауспиков. Зло повсюду, предупреждал он. Еретика, подстрекатели — гнездо убийц в сердце города. Он решил, вероятно, что его подопечные ответят покорностью, рождённой страхом, и любезно подчинятся полицейской администрации, полной решимости обеспечить им безопасность и спасение.

Его понимание человеческой природы было абсолютно наивным.

Как раз когда лощёные танки арбитров выкарабкались из подземных хранилищ, с угрожающей неторопливостью поводя вертлюжными турелями, первые беспорядки вспыхнули в Теплоотводе. Возникнув с видимой спонтанностью (хотя, вероятно, если бы бунтовщики остановились и подумали, то припомнили бы закутанные фигуры, которые двигались сквозь толпу, настоятельно нашёптывая и распевая о своём гневе в черноту ночи), они быстро разрастались. Толпы стекались на ксантиново-жёлтые улицы, бит-клубы выпускали озлобленных завсегдаев в город, словно стаи воющих волков, и граждане, которых тошнило и злило со страху, возмущённо вопили, требуя защиты, избавления, свободы.

Через час после того, как был брошен первый камень, когда были перевёрнуты паровые экипажи и подожжены шикарные лётмоби́ли богатых торговцев, когда к толпе прибавили свой голос немые массы из Трущобных кварталов, когда были разбиты фасады магазинов по всей центральной штрассе зажиточной Заблуды и реакция на заявления Делакура распространилась по городу, охватив каждый

район под крышей-линзой, прозвучали первые выстрелы.

Столкнувшись с толпой разъярённых бунтовщиков, прижатый к стене водопропускного канала массой орущих, объятых страхом тел, отряд правопорядка вигиляторов убрал силовые булавы и взял наизготовку дробовики. Первый залп — нацеленный умышленно низко по приказу опытного сержанта — ударил по коленям. Передние бунтовщики повалились с раздробленными ногами. Они бились и стонали в лужах собственной крови, от потрясения даже не понимая, что ранены. На секунду толпа остановила натиск, издав общий вздох ужаса и негодования. На минуту казалось, что на этом всё могло закончиться.

Затем бунтовщики с воем хлынули вперёд, вигиляторы перевели дробовики выше — и город наполнился грохотом и кровью.

* * *

Архимагус Иезахиль даже не потрудились скрыть своё недовольство визитом Арканниса. Его прибытие без приглашения и без предупреждения, в сопровождении Трикары и Гхейта, было таким начальственным и напыщенным, как уже привык ожидать Гхейт.

— А-а, примаций! — воскликнул Арканнис, широко улыбаясь и шутивно раскланиваясь. — Вы простите мне моё вторжение, не так ли? Я хотел обсудить один... деликатный вопрос. Надеюсь, я не прервал ничего серьёзного?

Иезахиль указала бровью на устилавшие рабочий стол куски пергамента и мигающий ауспик:

— Я заканчиваю планы для вашего преждевременного восстания, собственно говоря. Даже оказавшись отодвинутой в сторону собственной конгрегацией в пользу чужака, я по меньшей мере имею право судить о его шагах, — она усмехнулась. — Так что нет, ничего серьёзного.

Арканнис добродушно отмахнулся:

— Ну, конечно, конечно... Только скажите мне, какая польза от планов, если события уже завертятся?

Её ледяное хладнокровие на мгновение дало сбой, на лице промелькнуло замешательство:

— Что?

— О-о, ну хватит вам. Конечно же, вы были в курсе?

— В курсе чего?

— Что восстание уже идёт...

— Я... вы... что? Не может быть...

— Уверяю вас.

— Но... но ещё слишком рано! Прокляни тебя Матерь, Арканнис! Ты здесь всего день, а уже пустил по ветру годы пла...

— Увы, Матерь не ждёт никого. Это повод отпраздновать, несомненно?

— Нет! Я... В смысле, да — да, конечно мы должны праздновать Её прибытие, но мы не готовы! Мы даже ещё не начали внедряться в администрацию! На это требуется время! Ещё слишком рано!

Гхейт, внимательно наблюдая за лицом Арканниса, ощутил, как атмосфера мрачнеет. Ястребиная улыбка кардинала погасла, оставив лишь суровый взгляд, который обжёг Иезахиль беспощадной враждебностью.

— Эта Церковь более не нуждается в вашем руководстве, — произнёс тот ледяным голосом, абсолютно лишённым предыдущего сардонического тона.

Изумление Иезахиль дошло почти до смешного — она неверяще засипела и покраснела, не сумев спрятать свои чувства. Гхейт ощутил, как закипает кровь, насыщаясь адреналином от чрезвычайности заявления кардинала.

— Что вы... кто... — речь архимагуса упала до задыхающегося лепета, не находя слов. — Да как ты смеешь?

— Смею, — ответил Арканнис, — потому что я — Элюдициум. Я не отвечаю ни перед тобой, ни перед твоей Церковью, ни перед твоими коллегами. Я отвечаю лишь перед Матерью, и во имя Её я заявляю: ты — провал, помеха, лишний ресурс.

На мгновение Гхейт решил, что Иезахиль накинется на кардинала — она взметнулась с кошачьим рёвом и оскаленными зубами. Подобного звериного поведения можно было обычно ждать от пуриев, но никак не от их, как считалось, «цивилизованных» хозяев.

Даже если архимагус и собиралась напасть, она так и не успела этого сделать.

В комнате раздался один-единственный звук — словно чей-то выдох. Легко узнаваемый запах озона с ноткой привкуса крови коснулся обоняния Гхейта — Иезахиль сползала на пол с изумлённой маской замешательства на лице, сведя глаза в кучу в попытке умирающего разглядеть аккуратную дырку в центре лба, откуда вслед за одиноким завитком дыма хлынула густая струя внутричерепной крови. Архимагус повалилась беспорядочной кучей, густые как ил капли тяжело зашлёпали на плиты пола. Она содрогнулась раз-другой, спазматически всхрипнула и замерла.

Арканнис вернул богато отделанный лазпистолет в карман-кобуру среди одеяния и удовлетворённо хмыкнул себе под нос. Гхейт боролся с накатывающими волнами изумления, словно идя против сильного течения, отчаянно пытаясь отреагировать:

— Ч-ч... ты... она...

Арканнис повернулся к нему с ничего не выражающим лицом.

— Гхейт, — сказал он совершенно спокойно, — я хочу, чтобы ты верил мне.

В голове у Гхейта всё закружилось. Станет ли когда-нибудь всё опять настоящим, надёжным, постоянным? Честность была, похоже, лучшей политикой. Он пролепетал:

— А я не верю!

— Послушай меня, дитя. Так будет лучше. Конгрегации нужна ведущая фигура, объединяющий идеал, если хочешь. Иезахиль будет гораздо более полезной для Церкви мёртвой, чем когда-нибудь смогла бы стать при жизни. Каждое новое начинание требует своей жертвы, Гхейт. Поверь мне.

— Я не могу! Я не знаю, кто ты! Я больше вообще ничего не знаю!

Арканнис почти улыбнулся.

— Ты знаешь, — сказал он тихо, — не думаю, что когда-нибудь встречал такого маелигнаци, как ты...

— Как я могу тебе верить? Ты только что... ты убил архимагуса!

— Да. Она была неспособной душой.

— Но тем не менее она была архимагусом!

— Гхейт, кому ты предан?

— Ч-что?..

— Кому?

— Матери!

— Хорошо. Кому ещё?

— Подцеркви!

— Превосходно. Кому ещё?

— С-своему хозяину...

— Магусу Крейсте?

— Да.

Арканнис кивнул, улыбаясь:

— Да... Да, невероятно. Маелигнаци с собственным мнением, не меньше. Способный вырабатывать личные предпочтения в преданности, собственные сомнения... Захватывающе.

— Прекрати! Прекрати говорить обо мне!

— Гхейт, успокойся. Для каждого из аспектов твоей преданности этот акт оправдан. Во имя Матери, архимагус была слабой. Для Подцеркви она была плохим лидером, тормозящим прогресс. И конечно же ты не мог не заметить её разногласия с твоим — ха! — обожаемым хозяином? Твоя преданность делает тебе честь...

— Н-но ты убил её... О Матерь... я... я...

— Просто доверься мне, Гхейт, — голос кардинала на мгновение стал эмоциональнее, превратившись почти в дружескую просьбу, — всего на несколько часов — вот всё, чего я прошу. До тех пор ты останешься при мне, как приказал твой хозяин. Он приказал тебе быть послушным, Гхейт, помнишь? Так что держи язык за зубами. Ясно?

Трикара коснулась Гхейта так легко, что он сразу усомнился — намеренно ли. На долю секунды он вроде бы даже заметил, как изящный коготь, с неуклюжестью, абсолютно не соответствующей всему, что он видел от Трикары ранее, слегка прошёлся по его груди. Словно бритвенно-острое дуновение ветра. Движение выглядело невинным — случайный жест спутанного разума, но, когда Гхейт перевёл глаза обратно на Арканниса, пронизывающий взгляд кардинала сказал ему всё, что нужно.

Он подумал: «Значит, предупреждение».

— Я буду держать язык за зубами, — кипя внутри, прохрипел он.

— Хорошо. Теперь — иди к своему хозяину. Передай ему, что ты мне нужен ещё на некоторое время. Передай, что я выступлю с речью перед Советом через час.

Гхейт повернулся кругом и поплёлся прочь.

— Гхейт, — догнал голос, — поторопись. Нам ещё нужно успеть на совещание.

* * *

Покои хозяина были пусты.

Тишина неопрятной комнаты вызвала у Гхейта ощущение абсолютной неправильности. Лишь вернувшись мыслями в прошлое, он нашёл его источник, с содроганием поняв, что, сколько он знал магуса Крейсту, морщинистый примаций никогда, насколько ему было известно, не покидал низкой тёмной кельи, не считая случаев присутствия на периодических собраниях Совета и церемонии Ментального хора. Гхейт знал, что келья была домом для Крейсты, и старик был её неотъемлемой частью так же, как был частью Подцеркви.

В этой комнате Гхейт учился читать. Здесь он держал обмакнутое в чернила стило непослушными пальцами, что набирались уверенности и твёрдости с каждой неуклюже нацарапанной буквой. Здесь он изучал сакральные писания, усваивал катехизис веры Матери, постигал священные тексты, служившие центром его верований.

Здесь он научился уважать своего наставника, доверять магусу, который распознал в нём некий смысл там, где другие видели лишь биологическое уродство и нелепость. Здесь он научился наделять хозяина частью своей преданности, которая — он понял теперь, с уколом вины — была больше той, с которой он относился к своей Церкви, своему народу, своему наследию. Были ли его приоритеты именно тогда непоправимо искажены? И не всё ли равно ему было сейчас?

И теперь хозяина здесь не было. В момент кризиса, когда его мир переполнился смятением и кошмарами, когда одетый в пурпур чужак, что ворвался в его жизнь, систематически разрушал всё и вся, что ему было дорого; в тот момент, когда хозяин был ему нужен больше, чем когда-либо, чтобы стать опорой в этом хаосе — он оказался один.

— П-примаций? — пробормотал он со своего привычного места прислужника у двери. Лишь тишина пустой комнаты была ответом.

Выйдя в заляпанный слизью коридор, он остановился у соседней кельи и коротко проинформировал её

обитателя — какого-то примация из Совета, чьего имени он не знал и не стремился узнать — о приказаниях Арканниса.

Собрание Совета должно состояться через час — неважно, разрешится исчезновение Крейсты или нет.

Выдержка шестая:

Отрывок, том IV («Бог-Труп»), «Примацци: Клавикулус Матри»

Ненавидь их.

Ненавидь неблагословлённых, неисповедованных, незатронутых. Ненавидь их за жестокость, ненавидь их за неприятие, ненавидь их за невежество. Ненавидь их за их бога.

Ненавидь их, потому что, будь ты примаций, или маелигнаци, или контагий — можешь быть уверен, читатель: они ненавидят тебя.

Довольствуйся следующим, благородный гибрид: они поймут. Когда-нибудь, рано или поздно, они поймут свою ошибку. Они примут Матерь, когда Она наполнит их мир, и Она посмотрит на них и скажет: «Вы опоздали!»

Ко всем Она приходит, и всем Она несёт забвение.

Лишь верные дети соберутся подле Неё, где будут наслаждаться вечно. Мы приветствуем смерть, которую Она приносит, ведь она ускоряет наше единение с Её Божественностью!

Я чувствую Её в своей крови, я чувствую Её зов, я чувствую Её приближение.

И да будет так.

* * *

Маршал Делакура вошёл в зал для инструктажей Центрального участка, погруженный в мрачные мысли, больше стараясь сосредоточиться на отрывистом лязге собственных шагов, чем заикливаться на новостях, которые только что получил. Короткое сообщение, неожиданное и загадочное, но несомненно подлинное, судя по защитному коду на заголовке, казалось, сейчас прожжёт дыру в кармане. Он обеспокоенно потрогал бумажку пальцем, словно чтобы ещё раз убедиться в её реальности.

Зал, обстановка которого вызывала клаустрофобию даже в лучшие времена, был забит людьми. Он ещё ни разу не видел здесь столько народу. Собравшиеся командиры не менее пяти полков СПО нервно толкались с тактиками, сервиторами-савантами, всяческого рода вспомогательным персоналом и операторами связи, именитыми вигиляторами и его собственными угрюмыми помощниками. Резкое освещение неприятно отсвечивало от скул и лбов, погружая озадаченные взгляды в непроницаемый мрак надбровий и подчёркивая рты чёрной полоской тени. Объединённая военная мощь Гариал-Фола смотрела на Делакура в молчаливом ожидании, с непроницаемыми лицами, встревоженно. Все одновременно повернули головы, следя, как он входит. Делакура сглотнул — в горле пересохло.

— Господа, — произнёс он, вздрогнув от громкости собственного голоса, — у нас проблемы.

Суровый генерал в переднем ряду ответил насмешливым, полным цинизма голосом:

— Я думаю, это уже известный факт, Делакруа. Мы слышали твои обращения. Да снаружи просто зона боевых действий, во имя Трона... — потёртый бионический глаз мужчины щелчком закрыл и открыл радужку. — К чему это всё?

— Всё, что я говорил в обращениях — правда.

В голосе генерала бурлил скептицизм:

— Ксеногены в Гариал-Фоле, да? Я и понятия не имел, что ты любитель всякой чепухи.

По комнате прокатился взрыв нервного смеха.

Делакруа скривился. Он не числил дипломатию среди своих сильных сторон и откровенно не обладал достаточным терпением для дискуссий. Он цапнул пальцами воздух, подсознательно хватаясь за силовую булавку, которая обычно висела сбоку на ремне.

— Той чепухи, — зарычал он, — что имперский губернатор и вся Плюрократия мертвы. Убиты чужацким варп-дерьмом.

Тишину со всех сторон взорвали восклицания ужаса:

— Мертвы?

— ...Слёзы Императора!

— ...кто главный? Что собира...

— ...ловок явно выжил из ума...

— Ксеногены...

— ...не верю ни единому срано...

Делакруа выхватил пульт у сжавшегося помощника и ткнул переключатель. Древний проектор — кольца проводки спутанными артериями обвивали его латунные шкалы и механизм фокусировки линз — ожил с сухим стрёкотом. Возмущённая толпа, неверяще гудя, единым движением повернулась к проецируемой картинке.

— Ох... — раздался голос.

— Вы смотрите, — прошипел Делакруа, — на пикт-снимок, сделанный в Тороидальном зале судебной экспертизой час назад.

Отдельные детали было трудно различить, столь замысловатым было расположение тел. Несмотря на неравномерность видимых на снимке элементов, уложенных с изысканным артистизмом в неровные круги и геометрические узоры, которые притягивали взгляд, призывая впитать каждый жуткий штрих, каждый росчерк бойни — во всём, однако, отслеживалось некое единство, общая черта, которая объединяла отдельные части: их цвет. Красный.

— Кожа снята, — сказал Делакруа, отвечая на общий невысказанный вопрос. — У всех без исключения.

— Боже-Император, смилуйся...

Кто-то ближе к задним рядам блевал с осторожностью, какую позволяла теснота пространства.

— За три часа до этого... до того, как это было обнаружено, я был в Тороидальном зале, — вздохнул Делакруа, разрываясь между врождённой нелюбовью к вниманию и потайным наслаждением от пленения аудитории. — Нам был представлен экземпляр ксеногена... человеком по имени Арканнис. Он заявил, что принадлежит к Святой Инквизиции.

— Инквизиция, здесь? — пробился сквозь толпу испуганный шёпот; одно лишь упоминание об этой наводящей ужас организации вызвало почти такой же трепет и страх, как и новость об угрозе ксеногенов.

— Он приказал мне собрать всех вас вместе. Он сказал, что поведёт нас. Он сказал, что мы должны быть готовы сражаться...

Молодой лейтенант СПО в ужасе указал на экран:

— Как мы можем сражаться с этим? Г-где этот инквизитор сейчас?

Делакруа почувствовал горечь в горле. Он ещё не придумал, как лучше преподать эту часть.

— Не здесь, — ответил он со вздохом. — Он не поведёт нас никуда.

Делакруа сунул руку в карман и достал записку с неопровержимым кодом на заголовке.

— Я получил это пять минут назад. От... в общем, от другого инквизитора, который также находится на Гариал-Фоле.

— От другого?

— Одного мало, что ли?

— Они принесут гнев Императора на...

— Тихо, — Делакруа силился найти правильные слова. — Здесь говорится... здесь говорится, что Арканнис — обманщик. Здесь говорится, что он готовит ловушку.

— Ч-что?

— Ловушку? Что за ловушку?

— Я не знаю. В сообщении об этом не сказано.

— Это фальшивка!

— Это не фальшивка, во имя Трона! Послушайте, оно было отослано из публичной будки с использованием кода защиты настолько высокого, что мой сервитор связи перегрелся и отключился. Оно подлинное. Без сомнений.

— Тогда...

— Слушайте, — заявил Делакруа, перекрывая гам, — что бы здесь не творилось, мы должны действовать

осмотрительно. Я назначен командовать этой свалкой, и я намере...

— Ты? По приказу обманщика? Ха!

— И я намерен так и поступить! Я отдал приказ своим людям. Нулевая терпимость. Нашим приоритетом должен стать контроль над гражданами!

— Ты не сможешь контролировать их, глупец! — генерал с каменным лицом гневно нахмурил брови и помахал толстым пальцем. — Они слишком заняты паникой, благодаря твоим проклятым Троном обращениям!

Делакруа почувствовал, как на виске забились жилки, самообладание рассыпалось, словно карточный домик. Всё как будто выскользвало у него из рук.

— Или они будут подчиняться контролю, милостью Императора, или столкнутся с последствиями! Я не могу вести войну, когда на улицах полно крестьян!

— Вы знаете, он прав.

Упала тишина.

Новый голос, несмотря на всю свою безмятежность как-то умудрившийся перекрыть гвалт обличительных выпадов и ругани, принадлежал человеку, который стоял у входа, спокойно привалившись к косяку двери. Собравшиеся вытянули шеи.

— Ты? — прошипел Делакруа.

— Я, — ответил кардинал Арканнис, едва заметная улыбка играла на его похожих на дождевых червей губах. — Как приятно видеть вас снова, маршал. Я смотрю, собрание, которого я требовал, началось как раз вовремя.

— Т-ты должен быть мёртв!

— Да?

— Ты был в Тороидальном зале!

— А-а... это.

— Это! И... и письмо! — Делакруа выставил записку, словно оружие, совсем потеряв почву под ногами. — Здесь сказано, что ты обманщик! Здесь сказано, что ты на стороне врага!

— Правда? В самом деле? — Арканнис поджал губы. На секунду Делакруа решил, что холодная личина кардинала дала трещину, столь напряжённым сделалось его лицо. Однако, тот остался совершенно равнодушен к усиливающейся конфронтации с маршалом. — Крайне занимательно.

Делакруа неверяще уставился на него, сердитое лицо стало почти пурпурным:

— Ты не отрицаешь этого?

— А что, должен?

— Ты умрёшь! — пистолет оказался в руке Делакруа прежде, чем кто-либо из его изумлённых коллег

успел отреагировать. Слишком давно привыкших к штабному комфорту, многих угроза насилия заставила подскочить, шипя от страха. Но только не маршала, чей палец давил на спусковой крючок, даже несмотря на сомнения, крутившиеся в душе.

Арканнис, сверкнув глазами, сердито крикнул:

— Брось пистолет, дурак.

Оружие громко лязгнуло об пол, разрядившись с сердитым грохотом и комариным звоном рикошета, чей судорожный полёт закончился глухим ударом в бетонный потолок. Маршал, потеряв дар речи, изумлённо уставился на свои взбунтовавшиеся пальцы.

— Что... как...

— Тихо. Господа, меня зовут Арканнис. Как наш добрый друг маршал уже выяснил, я здесь не для того, чтобы помочь вам.

— Как ты попал сюда? Я... я выставил охрану.

— Да... Боюсь, что они встретились с некоторыми из моих коллег.

Суроволицый генерал СПО, приняв достойный вид с гораздо большим апломбом, чем Делакура, протолкался вперёд и хмуро уставился на Арканниса, почти сумев скрыть дрожь в голосе:

— Послушайте. Слушайте, чего вы хотите?

Арканнис удивился неожиданному вопросу:

— Хочу? О, ничего. Совсем ничего, — он улыбнулся. — Я просто пришёл засвидетельствовать своё почтение мёртвым.

— Мёрт..?

— Хватит разговоров, господа. Я бы хотел представить вам некоторых своих друзей.

Дверь позади него открылась, что-то твёрдое и острое процарапало по её внешней обшивке с бархатным скрипом. Тишина усилилась. Неторопливо, почти крадучись, в помещение с тигриной грацией проскользнула троица сгорбленных фигур, каждый птичий шаг двухсуставчатых ног — как всплеск контролируемой энергии. Их вход словно вытянул из помещения весь свет, собирая его на неровных краях костяных выростов и гребней и обволакивая тенью каждый изгиб панциря. Руки, по две с каждой стороны насекомьей груди, покачивались в такт поступи, верхние хищные когти-серпы неторопливо сжимались и разжимались, нижние — извращённое подобие человеческих рук и пальцев — хватали воздух. В углублениях суставов между хрящами когтей сегментированная плоть блестела липкой плёнкой влаги. Головы, низко опущенные между костистых плеч, смотрелись по контрасту мягкими и органическими: кожа, настолько бледная, что выглядела почти прозрачной, была натянута на созвездия лиловых капилляров — словно кожа утопленника. Крошечные свиные глазки горели из-под кряжистых надбровий, ниже выпирала челюсть, полная острых, как иглы, зубов.

— Это пурии, — сказал Арканнис как ни в чём не бывало, заломив бровь и разглядывая крадущиеся фигуры, чьи складки и связки внешнего скелета стали глубже и грубее в недобром полумраке. — Вы бы назвали их генокрадами, хотя они никак не связаны с воровством. Не самые блистательные собеседники, открою вам, но достаточно лояльные. По-своему.

Твари одновременно зашипели — шелестящий хор злобы, от которого словно затрепетал сам воздух. Время замедлилось, неторопливо сжимаясь вокруг, словно холодные щупальца какого-то левиафана. Укрытые сумраком хищники жадно и почти бесшумно приблизились к сжавшейся добыче — глазобусинки сосредоточены и остры, ссутуленные плечи поднимаются и опускаются. Первый, чью старую плоть испещряли цветные завитки и костяные выросты, повернул жилистую шею к Арканнису, низко проскрежетав что-то вопросительное.

— Делайте своё дело, — отозвался кардинал.

Гхейт слушал, притаившись под дверью в полумраке коридора рядом с Трикарой и желая себе не слышать её безумной белиберды. Небольшой караул вигилаторов — бывшая охрана у тяжёлой двери, в которую вошёл Арканнис со своими... «спутниками» — лежал у его ног. По большей части.

По правде говоря, отношение Гхейта к своим чистокровным родичам становилось всё более неопределимым. Радость узнавания и генетической гордости, которую он испытывал в их присутствии, всегда умерялась приступом отвращения, невыразимым ужасом от родства с подобной «несхожестью». Они всегда ошеломяли его своими повадками и движениями.

Гхейт ни разу не видел их вне покрытых застывшей слизью пределов Подцеркви. Вернувшись из безуспешных поисков хозяина, он обнаружил Арканниса, который ждал его вместе с выводком хищных, шипящих чудовищ... что ошеломило его до потери дара речи. Кардинал лишь улыбнулся пошире, видя его реакцию.

И вот они здесь. Похороненные (таким, по крайней мере, было ощущение) в сердце Центрального участка, со всех сторон их угрожающе обступала клетка обсидиановых башен и непреодолимых стен, подавляя самообладание, душа способность думать. Забираться так глубоко внутрь вражеской территории и проводить подобные операции с такой беззаботностью, как делал кардинал Арканнис — вызывало у Гхейта головокружение.

Но тут из помещения рядом раздались звуки, и его мысли разделились надвое. В основном звуки были мокрыми, но время от времени раздавался сухой треск кости или зловещий скрип растягиваемого тела, которое, поддаваясь смертоносной силе, присоединялось к хору звуками лопающегося попкорна.

Кто-то, заставив зачарованного Гхейта подпрыгнуть, нашёл в себе силы закричать — воплем такого откровенного и чистого отчаяния, что тот, перейдя все языковые границы, ударил как электроток прямо по нервам. Крик оборвался почти сразу же — его окончание совпало с лихорадочным царапаньем у двери — упав с неземного воя до гораздо более приземлённого бульканья, клокочущего и печального, завершившегося патетическим глухим стуком — словно на пол рухнула какая-то влажная масса. Гхейта передёрнуло — но от дискомфорта или желания, он не смог бы сказать.

Всё заняло одну минуту. Одну минуту приглушённых, но яростных звуков. Мягких взрезов и резких перерубаний, безмолвной борьбы и плеска выпускаемой жидкости. А затем тишина. А затем лишь влажное чавканье работающих челюстей и жадное шлёпанье языков, лакающих из луж крови — проголодавшиеся хищники пожинали плоды успешной охоты.

В коридор вышел Арканнис и кивнул головой:

— Ну, — произнёс он, — вот, значит, и всё.

* * *

Зов уже стал непреодолимым. Проталкивая со спазмами и конвульсиями сознание по давно бездействующим нейронам, по огромным пластам мозговых извилин, по колоссальным внутренним долям, пронизанным венами и артериями.

Где-то на пике этого электрического шквала — мальстрёма мыслей, выкристаллизовавшихся внутри этого вместилища разума — изогнутый валик влажной плоти, сам усеянный дрожащими отростками, словно задышал и ожил. Его замысловатая поверхность покрылась сетчатым узором, впитывая из самого воздуха спутанный клубок псионических отпечатков, и в каждом — нарастающая сосредоточенность, агрессия, единство.

По всему Гариал-Фолу дети Подцеркви торопились по своим тайным делам, сердца колотились от расового предвкушения, полные восторга близящегося вознесения. Восстание было неминуемо. Они чувствовали это. Они чувствовали это в самом воздухе.

А их патриарх — уже более не безмозглый, более не бездеятельный и оплывший на своём гниющем поддоне — слушал их единый хор с наслаждением, мышцы напряжены, взгляд сосредоточен.

Он слушал и упивался неосознанным зовом своего выводка, в свою очередь испуская собственный блуждающий сигнал во вне, прочь в бесконечную пустоту, где рой замысловатых силуэтов бороздил вакуум, неторопливо придвигаясь всё ближе.

* * *

Даже на взгляд Гхейта, малознакомого с умственными идиосинক্রазиями примациев, Совет явно находился в состоянии тревоги. Они ёрзали и суетились на своих местах, аура псионического напряжения пульсировала словно в неуверенности. Они собрались, как было приказано, и ждали прибытия Арканниса, и когда кардинал и его спутники вошли в Зал Голосов, Гхейт уже мог предсказать причину их волнения.

— Друзья, — поприветствовал Арканнис собравшихся витиеватым жестом, затем бросил недовольный взгляд из стороны в сторону, словно выискивая кого-то в толпе: — Где архимагус Иезахиль?

Гхейт уставился в пол, стараясь ни о чём не думать.

Магус Крейста с хмурым видом прочистил горло.

— Архимагус мертва, — процедил он сквозь зубы. — Убита в своём кабинете.

Арканнис воспринял эту информацию с убедительным изумлением, потирая подбородок. Совет глядел на него с почти нескрываемым подозрением.

— Я понял... — кивнул Арканнис, — Да, да, теперь всё ясно, — он вздохнул. — Я надеялся избежать этого, но... увы, меня заставляют действовать незамедлительно. Друзья, в наших рядах инквизитор.

Среди магусов прокатился шёпоток переговоров и быстро стих.

Арканнис продолжил:

— Этот предатель, этот служитель Бога-Трупа... Дважды он пытался навредить нам. Но я не позволю ему нанести третий удар.

Крейста сузил глаза:

— Дважды?

— О да... В первый раз он лишил нас архимагуса Иезахиль; более возвышенной и смелой служительницы Матери нам будет трудно найти. Возблагодарим же её за её жизнь и помолимся, чтобы её душа упокоилась рядом с Матерью. Благословенна будь.

Фраза родила такой же отклик от Совета — чёткий и сильный, несмотря на все их сомнения:

— Благословенна будь.

Арканнис набрал воздуха и продолжил без паузы:

— Предатель также виновен в предупреждении врага о наших планах. Учитывая, что вознесение так близко, утечка информации может стать по меньшей мере катастрофой.

Молодой магус с краю Совета — его бледный лоб разделяла надвое замысловатая татуировка — поинтересовался:

— И как вы это узнали? Простите нас, магус, но пришло время для некоторых доказательств ваших утверждений.

— Следовательно, во мне сомневаются?

— Вы незнакомец, что примерно то же самое. За ваше короткое пребывание на нашем мире вы принесли больше перемен и сдвигов, чем... чем любой из нас может припомнить. На данный момент эти перемены, похоже, приносят плоды — и за это примите нашу благодарность. Но не ошибитесь, полагая себя выше подозрений, кардинал. Вы всё-таки посторонний.

— Вот вы и выдали своё невежество, мой юный друг, — улыбнулся Арканнис. — О, пожалуйста, не обижайтесь. Вы — никто из вас — не путешествовали среди миров. Вы не знаете, на что способна Инквизиция. Вы не изучали её методы.

— Мы не понимаем, как это отно...

— Они лживы, магус. Инквизиторы Трона Императора — коварные твари, не стоит их недооценивать. Не бойтесь неведомого в поисках их работы. Бойтесь того, что знакомо. Того, что рядом с вами. Того, что лежит вне подозрений.

— Значит, вы можете указать на преступника?

— Могу. Я надеялся, что его действия выдадут его раньше, чем мне придётся пройти через всю эту утомительную мелодраму, но... — он пожал плечами.

Члены Совета обменялись взглядами. Гхейт насупился, внимательно следя за Арканнисом. Тонкие губы кардинала раздвинула очередная улыбка.

— Магус Крейста, — произнёс он, — я хотел бы услышать ваши оправдания.

Гхейт ощутил в голове гневную волну адреналина, в то время как магусы, все как один, обратили взгляды к его хозяину. Не сумев подавить злость, Гхейт выпалил яростное "Нет!", обратив на себя встревоженные взгляды примациев.

Арканнис на мгновение обернулся к нему, раздражённый:

— Молчи.

В голове у Гхейта словно провернулось что-то похожее на нож. Рот отказался открываться.

Совет повернул изумлённые взгляды обратно к магусу Крейсте, который за этот краткий промежуток времени слегка отодвинулся от общей группы.

В руке он держал лазпистолет.

И целился в Совет.

— Сейчас — ни чуть не хуже, чем в любое другое время, полагаю, — произнёс он.

В разум Гхейта ворвалось что-то тёмное и гадкое.

* * *

Элегантность орбитоплатформы, чьи рифлёные башни и широкие арки с ленивой грацией кружились над бурлящим облачным покровом Гариал-Фола, отчасти портила бессистемность элементов её конструкции. Солнечные батареи, снятые с древних остовов, сверкали изломанным свечением, вычурные наблюдательные вышки и суровые батареи линс-излучателей торчали с исковерканной асимметрией из самых неожиданных ниш и ярусов. Наспех сколоченное сооружение, кружащее в танце в вышине над миром, служившим ему якорем — тросы змеились сквозь мили атмосферы вниз к улью-куполу.

Загадочные устройства на обращённых вверх поверхностях платформы вздрогнули, прервав на секунду свою работу, и перенацелились на какую-то дальнюю локацию, согласно указаний своих равнодушных логических устройств. Что-то было обнаружено.

В залитом красным светом бункере управления, втиснутый в кресло, усеянное личными принадлежностями, техножрец-аколит Терикол ощутил, как в сознании промелькнуло что-то неожиданное. Интерфейс логического устройства, вливающий необработанные данные ему в память, с предупреждающим тоном выдал острый импульс. Техножрец рывком сел прямо с лёгким изумлённым вздохом и нахмурил прошитый проводами лоб.

— Капитан? — позвал он дрожащим голосом. — Капитан Ларкан?

Младший офицер связи пробрался к нему, лавируя между сервиторами и техножрецами, так же занятыми наблюдением. Офицер шмыгнул носом:

— Что такое, аколит?

— Мне нужно поговорить с капитаном.

— Его нет. Что у тебя?

— Сэр, при всём уважении... Данные наблюдений для командного уровня. Анима-машина выставила степень секретности.

Офицер вздохнул, его глаза словно потускнели.

— Аколит, капитан отбыл на совещание на поверхность два часа назад. Мы до сих пор не можем с ним связаться. Насколько это неотложно - «данные наблюдений командного уровня»?

— Крайне, сэр.

— Тогда тебе придётся иметь дело со мной. На данный момент, я — самый старший офицер.

Аколит Терикол поёрзал, взвешивая варианты в механически усиленных мыслительных каналах. Наконец, приняв решение, он кивнул, медные провода качнулись на висках, словно локоны.

— Локаторы дальнего действия обнаружили приближающийся контакт, сэр. Никаких прибытий на это время в расписании нет.

Офицер изогнул бровь:

— Можешь идентифицировать?

— Нет.

Мужчина взволнованно прикусил ноготь:

— Вероятно, ничего серьёзного. День-два назад уже было подобное, так? Необъявленный челнок Экклезиархии, если память мне не изменяет.

— Да, сэр. Но это... этот контакт другой. Крупнее. Множественные объекты.

Глаза офицера сузились:

— Флот?

— Вероятно — да, сэр. И, похоже... многочисленный. Он больше, чем всё что я когда-либо видел.

Офицер кивнул:

— Каково расчётное время прибытия, аколит?

— Сэр... При текущей скорости... Ранее утро. Десять часов, может меньше.

— Ты никому не говорил об этом?

— Нет, сэр. Конечно, не...

— Хорошо. Ты знаешь, я на самом деле не поверил, когда мне сообщили. Но это правда. Она идёт. Она наконец-то идёт. Благословенна будь.

Унтер-офицер вытащил из-за пояса нож и с ничего не выражающим взглядом качнулся к Тариколу.

* * *

— Я буду крайне удивлён, если ты безоружен, Арканнис. Давай-ка посмотрим.

Пистолет Крейсты надёжно удерживал кардинала на месте. Очень медленно, с ничего не выражающим лицом кардинал сунул руку в карман и вынул богато отделанный лазпистолет.

— Пни его ко мне, — приказал Крейста. — Только не пытайся выкинуть что-нибудь остроумное. Я всё это уже видел.

Арканнис для вида подумал секунду, разглядывая изысканное оружие на ладони. Крейста многозначительно пресёк любые мысли о неповиновении, холодно щёлкнув затвором пистолета. Арканнис кивнул и положил лазпистолет на пол, изящно пнув его к врагу.

Гхейт, наблюдающий словно из другого мира, хотел закричать.

Он хотел, чтобы Крейста отверг то, что был инквизитором.

Он хотел, чтобы хозяин опустил оружие, развеял ситуацию и доказал свою невиновность.

Он хотел, чтобы Арканнис сказал, что всё это лишь недопонимание, что всё идёт согласно плану, что в Гариал-Фоле нет инквизиторов.

Он хотел, чтобы кто-нибудь объяснил, что происходит. Разрешил смятение у него в голове. Распутал слой за слоем обманы и двойные обманы, которым он подвергался с момента прибытия Арканниса.

Он хотел, чтобы хозяин сказал, что всё будет хорошо.

Он хотел бежать, разрывая и сметая всё на своём пути.

Он хотел понять. Но ничего из этого не случилось.

Совет стоял, словно стадо гусей, белая кожа и длинные шеи окаменели от страха. Крейста криво усмехнулся, поклонившись с насмешливой вычурностью.

— Вам стоит узнать, — сказал он. — Моё настоящее имя — Ариаль. Я инквизитор Ордо Ксенос.

Он прервал зашумевший Совет рассеянным взмахом оружия. Магусы были сбиты с толку, возмущённые, преданные.

Арканниса было не так легко запугать. Стоя в стороне от остальных, он нахмурился.

— Значит, это был ты? — воскликнул он. — Инквизитор в улье Секундус. Ты провернул там этот же фокус, так?

Ариаль усмехнулся:

— Очень хорошо. Но — ха! — этот фокус гораздо старше. Я вычистил больше ваших убогих церквушек Матери, чем могу припомнить. И всегда изнутри. Как рак.

— И никто не заподозрил? Никто не почувствовал... — Арканнис почти выплюнул слово, —

«человечность» твоего разума?

— Конечно, нет. Я понял, как думают ваши примации, многие годы назад. Я изучал результаты вскрытий, Арканнис. Я запытал до смерти сотню магусов и вытащил каждый секрет, какой они могли выдать. Уверяю тебя, мой разум полностью защищён от таких, как ты.

— Хм, — с сомнением протянул Арканнис, — и всё-таки это был дерзкий замысел. Спрятаться среди врагов. Тебя, небось, тошнило от этого.

— Преданность Императору воспитывает сильный характер. Я с готовностью потерплю общение с девиантами, если это приведёт к их уничтожению.

— Значит, ты планировал разоблачить Подцерковь. Когда? Когда она поднимет восстание против города?

— Точно. Одного лишь проникновения и уничтожения Совета недостаточно — нужно заставить каждого гибрида, каждую заражённую нечисть, всех до последнего проклятого Императором уroda выйти на свет. Только тогда очищение будет полным. Эта Церковь есть и всегда была слишком слабой для восстания. Она бы потерпела неудачу в любом случае, с моим или без моего вмешательства.

Инквизитор теперь злорадствовал, наслаждаясь своей хитроумностью. Гхейт, всё ещё не придя в себя от страданий, причинённых предательством хозяина, понял, что Арканнис нарочно отвлекает того разговором. Трикара тем временем потихоньку продвигалась вперёд. Он подумал, сможет ли она опередить палец на спусковом крючке, и решил, что, вероятно, сможет. Сердце забилося чаще.

— Ха, — сказал Ариаль, уставившись на него, глаза сверкнули психической остротой. — Прими мою благодарность, Гхейт. Твои мысли всегда имели привычку втягивать тебя в неприятности, да?

Гхейт мысленно застонал.

Ариаль навёл оружие прямо в голову Арканнису, тщательно прицеливаясь:

— Отзови своего уroda, Арканнис. Она, может, и может уворачиваться от пуль, но я искренне сомневаюсь, что можешь ты.

Без какой-либо вербальной команды хихикающий гибрид скользнул за спину Арканнису. Кардинал скривил рот.

— Так-то лучше, — оскалился Ариаль. — Ты знаешь, до твоего прибытия всё это выливалось в довольно банальный проект. Я не могу даже выразить, насколько мне было приятно твоё согласие на приглашение. Мы искали Элюцидиум десятки лет, ты знал?

— Знал.

— Ха, да. Да, ты вполне мог. Ты ещё тот умник, да? События стали гораздо более... интересными с тех пор, как объявился ты. Однако, всё уже кончено. Вигилаторы знают о Подцеркви, а у меня есть поистине восхитительный трофей. Мне доставит огромное удовольствие расспросить тебя в моих мастерских, Арканнис. Меня очень интересует твоя организация. Очень интересует, на самом деле.

— Ты думаешь, я тебе что-нибудь расскажу?

— Все рассказывают, рано или поздно. Полагаю, что хватит уже разговоров. Я хочу, чтобы ты очень

медленно подошёл к двери. Я хочу, чтобы ты держал руки — и твоих аколитов, кстати — так, чтобы я их видел. Никаких резких движений, никаких громких звуков. Никаких мозговых фокусов. Мы уходим.

— Ты сильно ошибаешься. В смысле, что всё уже кончено.

— Избавь меня, Арканнис. Я победил.

— Боюсь, что нет. Ты сказал, что отправил сообщение вигияторам. То есть, маршалу Делакруа?

— Я уже сказал. Хватит разговоров.

— Значит, это тот самый маршал Делакруа, которого я только что видел разрезанным на тринадцать кусков? Могу приказать, чтобы принесли его голову, если хочешь.

На лбу Ариалья заблестели бисеринки пота. Он сердито двинул оружием, словно сигналом семафора:

— Хватит лжи!

— Это не ложь, инквизитор. Я приказал разорвать в клочья каждого боевого офицера этого города. Всё кончено. Армии обезглавлены. Твоё предупреждение не дошло.

— Ещё не кончено, варпово дерьмо! — Ариаль зловеще сузил глаза. — Даже если ты говоришь правду, ты думаешь, я не смогу командовать солдатами сам?

— Несомненно. Ты бы смог даже предотвратить восстание, если бы успел добраться до пункта связи. Но ты не сможешь.

— Что?

Теперь уже весь блестящий от пота, инквизитор рывками дёргал пистолетом из стороны в сторону с видом отчаявшегося человека. Гхейт смотрел на него с презрением, безмолвно молясь, чтобы ледяная уверенность Арканниса не оказалась блефом.

— Инквизитор Ариаль, — произнёс Арканнис, совершенно не обращая внимания на оружие, нацеленное в его голову, — Элюцидиуму с некоторого времени стало известно твоё имя. Мы узнали о твоём присутствии в этом секторе много лет назад.

— Заткнись! Я пристрелю тебя, клянусь Императором! Я пристрелю тебя на месте!

— Я хочу поблагодарить тебя, инквизитор, за то, что сильно облегчил мне поиски. Я уже отчаялся выкопать тебя, когда ты сам сделал мне одолжение и пригласил к себе. Это был... забавный момент.

— Хватит, — самообладание Ариалья начало восстанавливаться, решимость крепла. — Хватит, ты урод. Ты, ублюбочное ксеноотродье. Хватит!

И лишь взгляд его оставался диким, полным сомнений в собственном успехе. Костяшки пальца на спусковом крючке, притягивая Гхейта с нездоровым интересом, побелели.

— С самого начала их так называемой эволюции, — затянул Арканнис, скривив неприязненно губы, — у людей было слабое место. Нелепица. Изъян, я бы сказал. Неделка в голове. Она превращает самый проницательный разум в предмет отупелой наивности. Хочешь знать, что это?

— Заткни..!

— Я скажу тебе. Вот, послушай. Это притягательность, как у сороки, ко всему, что блестит.

Так медленно, как планеты кружат по своим орбитам, как айсберги теряют равновесие и опрокидываются кверху дном в арктических морях, глаза инквизитора повернулись вниз. Приколота к его собственному отвороту, брошь, подаренная Арканнисом — работа изысканной красоты — мерцала в полумраке.

— Прощай, — сказал Арканнис и нажал крошечную кнопку дистанционного взрывателя, который прятал в руке с того самого момента, как вошёл в помещение.

Инквизитор Ариаль разлетелся на куски, словно перезревший фрукт.

Выдержка седьмая:

Внутренний отрывок, том V («Небесный Матриарх»), «Примацции: Клавикулус Матри»

Итак, да будет известно:

Я узник здесь. Я забран от своего мира, от своей конгрегации, от своей Церкви. Они мертвы, я предполагаю. Они жертвы Бога-Трупа, уничтоженные его злосчастными заботами. Я узник его сына-демагога, его потайного апостола. Я пленник его Инквизиции, но — узри — я не отверг любовь Матери.

Она во мне. Она жива. Она вытерпит, да.

Они требуют моего признания. Они раздели меня, и заткнули кляпом, и ударили меня, они били меня тернистыми палками и резали мою плоть кривыми ножами. Они говорили, что я буду спасён, если только отрекусь. Если только я откажусь от своей покровительницы. Если только я предам Её величие, Её имя, Её милость.

Они просто глупцы.

Узри, инквизитор, и солдат, и крестьянин. Узри, апостол иссохшего мессии. Узри, ты слабая тварь, ты уродливая тварь, ты нелюбящая тварь, ты пустая тварь: Великая Небесная Мать приближается! Благословенна будь!

Я умираю.

* * *

«Ползуна» мотало из стороны в сторону. Зажимы продолжали двигать аппарат вверх по привязному тросу, несмотря на свободное вращение подъёмника вокруг центральной оси. Гхейт как мог боролся с позывами рвоты.

Напротив него, с головой уйдя в кипу пожелтевших бумаг, кивая или агакая каким-то заинтересовавшим его материалам, сидел кардинал Еврехем Арканнис, не обращая никакого внимания на своих спутников. Трикара рядом с ним слизывала с когтей густой сироп крови, длинный язык со змеиной цепкостью,

хлюпая, обвивал бритвенно-острые края.

На пусковой площадке произошло небольшое сражение, когда толпа увидела, что последний подъёмник готов к отправлению. Трикаре пришлось прокладывать хозяину дорогу.

Гхейт сидел молча, угрюмый, сбитый с толку и злой одновременно, и вспоминал...

* * *

Смерть своего хозяина он едва заметил. Даже когда останки тела, разорванного и изувеченного взрывом броши, рухнули на пол, Гхейт не ощутил ничего, кроме злости на предательство.

Для него не было никого превыше хозяина. Он именно так и признался тогда Арканнису: его преданность в первую очередь принадлежала Крейсте, а затем Церкви. И теперь в душе появилась зияющая пропасть.

Но прежде чем затихло эхо взрыва, прежде чем члены Совета восстановили внешнее приличие и оттерли с себя кровавые брызги, стремглав прибежал контагий с известием.

Патриарх поднимался из своего логова.

— Наконец-то, — произнёс Арканнис и повернулся к Совету: — Сообщите всем. Началось.

* * *

Сильный толчок тряхнул подъёмник, скинув Гхейта с места. Он молча поправился, невротически представив, как Трикара смеётся над ним под сенью своего капюшона. Голова Арканниса еле мотнулась.

— Прошли ионосферу, я полагаю, — произнёс он, не отрываясь от бумаг.

Гхейт ёрзал, испытывая дискомфорт от решения, которое принял. Он размышлял, как это будет для его братьев и сестёр маелигнаци, когда Она придёт. Он размышлял, будет ли их поглощение таким же чудесным, как его учили ожидать. Он размышлял, в самом ли деле они вознесутся, чтобы занять своё место рядом с Ней.

Он размышлял, узнает ли когда-нибудь.

Воспоминания о последних часах на Гариал-Фоле превратились в кавалькаду впечатлений, сходящихся в одну точку, и Гхейт потерялся в этом разбитом калейдоскопе.

* * *

Когда останки магуса-предателя утащили и сбросили в ямы пуриев, и голодные хищники принялись

драться над ними и рвать на части, Совет запел. Хор психических указаний, который бил ключом сквозь воздух и камень, вкладывая приказы, которые отдал Арканнис, в сознание каждого контагия, каждого шипящего маелигнаци, каждого выводка сгорбленных пуриев.

Они выпевали свой призыв к оружию, и в каждом районе каждого квартала, в каждом округе и ярусегетто, в каждой трущобе и археотеховой высотке верные дети Матери отвечали.

* * *

Полки СПО долго не продержались. Те немногие роты, чьи оставшиеся унтер-офицеры могли хоть как-то взять на себя командование, оказались вскоре расколоты, когда контагии, скрытые в их рядах, проявили себя, шагая с пустыми лицами по спальням и столовым, невозмутимо нажимая на спусковые крючки автоганов или размахивая зазубренными боевыми ножами. Если они и испытывали какое-то наслаждение или жалость от своего предательства к тем, кто когда-то считал их товарищами, даже если они действительно это осознавали, то не подавали виду.

Другим отрядам повезло ещё меньше. Без командиров они рассыпались по городу, разделившись на двойки-тройки, чтобы бороться с растущей анархией или подпитывать её — на своё усмотрение. Беспорядки разрастались, накрывая каждый район, и на каждом углу на людей в форме наваливалась толпа, с воплями хватая и протаскивая их по улицам, оставляя на обледеневшем рокрите клочья одежды и содранной плоти.

Постороннему наблюдателю могло показаться, что повстанцы уже среди толпы, но — нет, на столь ранней стадии всякое насилие было лишь плодом страха и озлобленности — естественной и неразбирающей. Никакие тайные планы ксеногенов, никакой шёпот псионических голосов не управлял этой бойней.

* * *

Культисты появились в полночь. Распевая радостные гимны своему приближающемуся божеству, облачённые в белые и красные одежды с вышитыми знаками Нового Рассвета, они толпами высыпали с тайных собраний и импровизированных молитвенных сеансов по всему городу.

Против них остались лишь вигиляторы, лишённые командования и измотанные непрерывными стычками с разъярёнными толпами.

Церковь Небесной Матки прорвалась сквозь их синтеплексовые щиты, словно первая волна надвигающегося цунами, и к моменту, когда были подтянуты первые тяжёлые стабберы, когда из тайных хранилищ выползли первые давно хранившиеся там «Леманы Руссы», когда переднего края толпы достигли первые покрытые священными писаниями огнемёты — бронированные судьи уже отступали и, бросая силовые булавы, разбегались в поисках укрытия.

Это была бойня.

* * *

И Арканнис спросил у Гхейта:

— Ты пойдёшь со мной?

И Гхейт, взглянув на блестящее кровавое пятно – всё, что осталось от его бывшего хозяина, кивнул не раздумывая.

И час спустя после того, как конгрегация впервые развернула свои знамёна и начала петь в предвкушении прибытия Матери, гражданское ополчение, полное дилетантов и горячих голов, насмотревшихся на избиения вигилаторов, вместе с немногими разбросанными фрагментами уцелевших СПО собралось на огромной площади перед ярусом-мезонином Заблуды. Они были похожи на орду муравьёв, марширующих и проходящих обучение в сердце могучего гнезда. И когда унтер-офицеры и сержанты выступили с неумелыми высокопарными речами, они были приняты со всем воодушевлением и яростью самых убедительных обращений величайших из героев.

Их обманули. Их атаковал изнутри рак, который вовремя не диагностировали и не вылечили. Они были разъярены до крайней степени, и когда ополчение двинулось на районы, захваченные Церковью, ненадолго показалось, что они смогут изменить исход войны и спасти город.

И тогда патриарх повёл своих родичей в битву.

* * *

Для жителей это, должно быть, выглядело, как будто из-под земли поднялись ночные кошмары.

Из убежищ и канализационных коллекторов, из парящих вентиляторов и разорванных дымовых труб. Передвигаясь с сухим рачьим шорохом, отводя окостеневшие сегменты хитина, чтобы с вожделием оскалить длинные зубы. Щёлкая и стрекоча, скрежеща когтями друг об друга. Киша, как муравьи. Налетая стаями.

Первыми шли пурии — тайком пробираясь вперёд, отталкиваясь длинными ногами, поджав внутрь когти-серпы. Они появлялись, словно пауки. По стенам и потолкам, с той же грацией, что и по усыпанной телами земле, перебирая лапами, вздымая шипастые плечи при каждом мощном движении.

Маелигнаци шли несогласованной армией, каким-то многообразным сборищем. Вот похожие на огров выводки первого поколения отталкивают в сторону арбитражный танк, там хищные стаи лоснящихся охотников-убийц второго поколения набрасываются на визжащую добычу в руинах лагеря СПО.

И возвышаясь над всеми, раздутый, завывающий, ревуший, трещащий псионическим запахом, на волне из крови и костей двигался патриарх. Красным туманом клубилось горячее дыхание, на исполосованных запёкшейся кровью боках испарялся оседающий лёд.

* * *

Последний «ползун» уносил Гхейта, Трикару и Арканниса к орбитоплатформе. Гхейт поднялся на борт, даже ни разу не оглянувшись.

* * *

По сравнению с городом внизу, по которому, словно заразная сыпь, распространялось безумие, орбитоплатформа была похожа на безмолвный мавзолей. Проскользнув через автоматизированные двери шлюзов — всякий новый лязг металла об металл тщетно пытался нарушить целостность тишины — троица обнаружила, что вторглась в замёрзшую могилу.

Тела валялись где придётся, скрюченные руки изрезаны и перебиты неловкими ударами ножей. Густые потёки крови, застывшие жуткими завитками во впадинах и неровностях шероховатой палубы, были размазаны повсюду, словно какой-то безумный маляр пытался переокрасить помещение.

В приёмной они наткнулись на группу контагиев — восемь перемазанных плотью и кровью мужчин и женщин, сидевших скрестив ноги и распеваящих гимны. Их миссия была исполнена, и они игнорировали небольшой отряд Арканниса, словно его и не существовало вовсе, и на краткий миг Гхейт снова обнаружил, что раздумывает о прелестях пустоголового существования. Для них не существовала боль сомнений и горечь предательства. Они с тем же успехом могли быть машинами — и Гхейт завидовал им.

Челнок кардинала, «Маугетайр», оказался небольшой посудиною — длинный цилиндр корабля, позади которого выпирала громада генерариума и варп-двигателей, центральную часть кругом охватывала филигрань распорок и пилонов, небольшие желудочки по обеим сторонам заключали в себе бытовые помещения — аскетические каюты, функциональную столовую и лазарет. Для Гхейта, которому даже идея заглянуть за вечный облачный покров родного мира, не говоря уж о том, чтобы вступить на борт космолёта, казалась невообразимой, это было странное место, полное необъяснимых устройств и загадочной машинерии. Огоньки мерцали словно пылающие созвездия, стрекотали светящиеся ауспики, латунные измерители тикали с регулярностью сердечного ритма или покачивались в такт таинственным колебаниям двигателей.

Больше на борту, похоже, никого не было.

— Как вы... как вы путешествуете в варпе? — спросил Гхейт, ненадолго вынырнув из меланхолического молчания, которое поразило его с момента смерти хозяина.

Арканнис посмотрел на него с мудрой улыбкой:

— Что ты имеешь в виду, аколит?

— Я... я читал, милорд. Мой хозяин, он...

— Твой хозяин научил тебя большому, чем большинство приматиев когда-либо узнает, не говоря уж о маелигнаци.

Гхейт снова впал в безмолвие. Сейчас даже воспоминания приносили боль.

— Отвечая на твой вопрос, Гхейт — я вожу на борту навигатора из благородного дома Предантир, чтобы преодолевать завихрения варпа. Он замурован в кабине над мостиком, обслуживаемый сервиторами и логическими машинами, где и лежит в бездействии во время моего отсутствия.

— И он служит вам добровольно?

— Конечно. Его преданность достойна похвалы.

— Значит... он контагий?

В Гхейта упёрся взгляд кардинала. Ему представилось, как с него сдирают кожу, и он отвернулся, протестуя против режущего взгляда.

— Нет, Гхейт. Он не контагий.

— Тогда, как вы...

— Отдохни. Ты прошёл через серьёзные передряги. Вскоре всё прояснится.

* * *

«Маугетайр» отвалил от орбитоплатформы с торжественным величием, суставчатые причальные лапы разошлись, словно иглы какого-то пустотного ежа. Он двинулся боком над безмолвным спутником, у которого бросал якорь, качнулся в легкомысленном салюте и невозмутимо двинулся прочь, сверкая огнями двигателей в пустоту.

Гхейт прижался лицом к небольшому иллюминатору, костяные гребни лба легонько стучали по холодному синтеплексу. Под ним неторопливо поворачивалась огромная жемчужина Гариал-Фола, покрытая бело-серыми завитками облачного покрова. На секунду Гхейт почувствовал головокружение от огромности мира, затем вращение судна унесло горизонт из виду, оставив лишь безбрежную чернильную тьму.

* * *

Гхейт сидел в печали, уставившись куда-то вдаль, когда на круговую галерею, где оставил своих спутников, вернулся Арканнис. Кардинал широко улыбнулся.

— Мы в пути, — провозгласил он без особой нужды. — Я предлагаю нам воспользоваться возможностью отдохнуть перед входом в варп. Спать во время пересечения Эмпиреев может быть... непросто.

Он уронил пачку бумаг, которые просматривал, на кресло и поманил пальцем Трикару. Та взглянула на него, вздёрнув голову.

— Идём, моя маленькая злодейка, — прошептал он, — обратно в свою клетку.

Гхейт нахмурился, прервав самокопание:

— В клетку?

— Хех. О да. Ты же не думаешь, что я позволю ей бегать по кораблю, пока я сплю?

— Но... вы говорили, что она предана ва...

— Ничего подобного я не говорил. Я сказал, что она делает, что приказано. Но я не могу контролировать её, пока сплю.

Трикара зашипела, жемчужные клыки заблестели из-под сени капюшона. На секунду её ненормальное хихиканье прервалось, оставив взамен лишь переплетённого шнурами монстра, полного ярости и ненависти. Она уставилась на Арканниса, словно в замешательстве.

— Она разрежет меня на куски, дай ей шанс. Я говорил тебе: её разум — разбитый бриллиант. Она марионетка, Гхейт. Безумная, прекрасная, внушающая ужас марионетка. И я дёргаю за её ниточки уже очень, очень давно.

— К-как?

— Простая маленькая иллюзия. Я пошарил у неё под черепом и переоблачил себя в её глазах. Для неё я магус-ясновидец, примаций её давно мёртвого выводка. Её разум склонен к некоторому блужданию, но уверяю тебя — у неё не займёт много времени вспомнить мою настоящую личность, когда иллюзия спадёт.

Глаза Арканниса сверкнули, та же самая весёлая улыбка украсила губы, и абсолютно без всякой видимой причины злобный скрежет Трикары пропал.

В голове Гхейта вспыхнул полный предчувствий вопрос:

— Вы... вы когда-нибудь..?

— Играл ли я с твоим разумом? — холодные глаза заполнили его мир. — Нет. И по одной простой причине.

— Какой?

— В этом не было нужды.

Не сказав больше ни слова, Арканнис увёл Трикару прочь, оставив Гхейта в глубоком беспокойстве. Снова то, что он считал несомненным фактом, рухнуло, и снова в центре обмана стоял Арканнис. Что-то было неправильно. Что-то не складывалось. Он чувствовал нутром.

Взгляд упал на бумаги, которые читал кардинал. Нахмурившись, чувствуя себя будто голым, запутавшимся и беззащитным, он наклонился и взгляделся в первую страницу.

Это был какой-то документ. Он начинался так:

«Мы нечистые.

Мы поношаемые (так говорят). Мы презренные, мы пагуба, мы мерзость. Нас называют «тварями», «уродами», «еретиками». Насмешки столь же однообразны, сколь и бесконечны».

Гхейт в замешательстве пожевал губу. Затем, с упавшим сердцем, стал читать остальное.

* * *

Арканнис вернулся, когда он уже добрался до последней страницы. Кардинал тихо сел, не прерывая, и стал наблюдать. Грамотность Гхейта была далека от совершенства, и временами ему приходилось останавливаться, вглядываясь в буквы и беззвучно двигая губами в борьбе с трудным словом. Арканнис отмечал каждое движение глаз, каждую морщину на окостеневшем лбу, каждое шевеление губ.

И когда Гхейт закончил, сложил аккуратно бумаги в стопку и положил их рядом на сиденье, Арканнис спросил:

— Что ты думаешь?

Гхейт пошевелил челюстью:

— Я думаю... Я не знаю. Я не уверен. Откуда эти выдержки?

— Из книги. Труд, озаглавленный «Примации: Клавикулус Матри». Это показания мага, Гхейт. Его жизнь его же словами.

— И он написал их по собственному желанию?

Арканнис усмехнулся:

— Нет. Он был узником. Его пленил человек по имени Агмар. Инквизитор.

— И его заставили написать это?

— Мои изыскания предполагают, что ему был дан... выбор. Написать чистосердечное признание или вернуться в комнату для допросов. Агмар был печально известен своим... мастерством в искусстве причинять боль.

— Что с ним случилось? С магом, я имею в виду.

Арканнис испытующе всмотрелся в Гхейта. Затем, видимо приняв какое-то решение, сунул руку в одеяния и вынул единственный лист бумаги, сложенный так, что место сгиба было острым как бритва. Развернул его и протянул Гхейту.

— Эпилог книги, — объяснил Арканнис. — Шанс Агмара вынести суждение о том, что написал его питомец.

Гхейт нахмурился, взяв лист, затем склонил голову и начал читать.

Эпилог, «Примации: Клавикулус Матри»

Да будет засвидетельствовано, что в этот день, 02.05.750.M41, заключённый, который написал эту книгу, был обнаружен на рассвете в своей камере мёртвым. Как мне сообщили сёстры ордена

Панацеар, чьи старания поддерживали узника во время допросов: кончина наступила вследствие обширного кровоизлияния в мозг, причиной которого (как они предполагают) послужило чрезмерное подвергание невыносимой физической боли. Я остаюсь при своём мнении.

Независимо от того, как умер еретик, он пошёл на смерть без отпущения грехов; и если читателю доставит удовольствие знать, я уверен, что душа его осталась невознесённой к этому Светлейшему из светов — Золотому Трону. Да будет она проклята в расплату за его грехи.

Последнее свидетельство, это свидетельство, которое ты сейчас читаешь — всё, что от него осталось. Я не стану его скрывать. Я не стану добиваться утаивания его панегирика от света исследования, ибо, хоть он и был еретиком, в наших интересах понять его мысли.

Имперуум, читатель, огромен. Можно даже простить тех, кто путает его размеры с силой, потому что не так-то просто поверить, что нечто столь обширное, столь могущественное, столь безграничное должно быть также неприступным, непреодолимым, прочным.

Если бы это было так. Имперуум, даже столь великий как он есть, всего лишь мерцающий огонёк в море тьмы. Столь слабый, что взгляд на него, на этот хрупкий драгоценный камень, приводит даже меня — меня, инквизитора божественного закона Императора — на грань слёз и ужаса.

Раса людей должна признать свои страхи, она должна смело посмотреть в лицо тьмы, что клубится у её границ. Лишь через принятие мы обретём силу. Лишь через конфликт мы одержим победу.

Не пытайся игнорировать или прятать ересь, что лезет отовсюду. Выведи её на свет! Содействуй ей! Напои её ложной силой так, чтобы в её очищении сердце Императора переполнилось величием победы!

Здесь изложено свидетельство еретика. Я настаиваю, чтобы оно было постигнуто, ибо лишь через познание их путей можем мы надеяться сокрушить своих врагов.

Инквизитор Агмар, 750.М41

Гхейт поднял глаза от текста, озадаченный как никогда. В голове неотвязно вертелся вопрос.

— Как это к вам попало? — спросил он. — Все эти выдержки... Они не могут быть просто... просто в свободном доступе.

Арканнис взмахом отнёс вопрос:

— Неважно. Что ты думаешь обо всём этом?

— Я... я не знаю. Я не понимаю, почему эти факты должны что-то значить. Здесь и сейчас, — появилась мысль: — Агмар ещё жив?

— Нет, нет. Он умер давным давно. Но его наследие живёт. Он был великим во многих отношениях.

— Он был человеком! Он служил Иссохшему Богу!

— Ммм. Да. Да, служил.

Страх внезапно сковал Гхейту грудь. Нечто неоформившееся, но холодное, некая уверенность, которая пока ускользала от него, становясь определённое с каждым мгновением, которая сидела у него внутри и

теперь начала расти.

— Агмар, — сказал Арканнис, сложив пальцы домиком, — был известен своим прагматизмом. Он верил в знание. Он верил в разоблачение врага. Он верил в силу через конфликт.

Страх проскользнул Гхейту в горло. Он почувствовал, что падает.

— Философия Агмара перешла через годы к его последователям. Самым выдающимся среди них был человек по имени Истваан. Он взял идеи Агмара, его теории, разрозненные записи его размышлений и фантазий, и возвёл вокруг них модус. Способ действия.

— О-откуда вы всё это знаете?.. — страх отнял у Гхейта язык, и он мельком подумал, не подавится ли.

— Сегодня инквизиторы-истваанианцы — тайное общество, Гхейт. Их методы считаются экстремистскими — и они первые, кто с этим согласится. Экстремизм обоснован, они бы сказали. Экстремизм необходим. Разве врагов Империи волнует умеренность? Или либерализм? Конечно, нет!

Страх ударил Гхейта по мозгам словно молот, и правда, что вкралась в кровь, в конечности, в кости, вторглась в сознание, словно рак, сжав мозг ледяными клешнями.

— Ты не магус, — произнёс он мёртвым голосом. — Ты... ты...

Арканнис улыбнулся, и его зубы блеснули в полумраке судна, словно вспышка сверхновой.

— Истваанианцы дали название своему тайному обществу, чтобы координировать свои действия вдали от внимательных глаз других, менее просвещённых членов верных Императору...

— Это... ты не... О Матерь...

— Мы называем себя Элюцидиум.

Что-то взорвалось у Гхейта в затылке. Последнее предательство, последний акт крушения и вероломства. Его дурачили — и (теперь он это понял) он и был дураком. О Матерь, каким же он был дураком! Таким идиотом, что поверил лжи агентов Императора!

Ноги сами подбросили его с места. Я всё исправлю, твердил он себе. Я положу этому конец. Его когти раскрылись.

— Ты умрёшь! — прошипел он, чувствуя, как мир вокруг становится красным.

В лоб ему ткнулось дуло лазпистолета, и Арканнис уставился на него из-за чёрного зрачка.

Ударила мысль: «Это не имеет значения! Лучше умереть, чем покориться!»

Однако сердце не согласилось.

— Я знаю тебя, Гхейт, — сказал Арканнис откуда-то из другого мира. — Любой другой маелигнаци не остановился бы. Он бы набросился сразу же, не беспокоясь о смерти. Они рождены для этого. Рождены убивать или быть убитыми, как того пожелает Матерь. Но не ты. Ты ошибка. Урод. Ты слишком человечен.

Гхейт всхлипнул, приказывая себе не слушать, приказывая побороть страх, самосохранение, самоотвращение.

— Ты не хочешь умирать, Гхейт, — сказал Арканнис. — В этом твоя слабость.

— ...убью тебя... — слова не получались, теряясь в соплях и слезах.

— Нет, не убьёшь, дитя. Мы оба знаем, что не убьёшь. Я хочу, чтобы ты сделал кое-что для меня, Гхейт.

И хотя Гхейт всё ещё бормотал, и трясся, и брызгал слюной, он уже понимал, что сделает всё, что ни попросит инквизитор.

— Я хочу, чтобы ты посмотрел в окно, — голос, словно холодный нож, проник сквозь защитные механизмы его сознания и нанёс удар по самоконтролю. Не в силах ослушаться, Гхейт во второй раз прижал лицо к холодной поверхности, снаружи которой разбегалась изысканная фреска льда.

— Скажи мне, что ты видишь.

Зияющая чернота без формы, без конца и без края. Она проглотила его глаза, высосала мозг, обратила перспективу в обман.

А затем что-то сдвинулось. Невероятно, но что-то изменилось и обрело форму. И когда оно высветилось на фоне черноты, из мрака рядом возникло ещё одно, и ещё одно. И ещё одно. Пустота расцвела тусклыми, призрачными отражениями света, идущего от поверхности планеты, сейчас скрытой от глаз Гхейта, играя на неровных поверхностях десяти, двадцати, сотни огромных силуэтов...

Тут слабое свечение скользило по щетинистым жабрам, там — по огромному щупальцу, свёрнутому с великанской аккуратностью. Разбросанные по бесконечной черноте силуэты надвигались ближе. Горячее чувство триумфа охватило Гхейта, вспыхнув в груди словно огонь.

— Это Матерь! — возликовал он, все мысли о предательстве Арканниса рассеялись. — Она идёт! Она приближается! Благословенна будь!

Выражение лица кардинала не изменилось.

— Вероятно, — сказал он, — тебе стоит взглянуть ещё раз.

Силуэты в пустоте стали ближе, теперь их было легче различить.

Щетинистые жабы на таком расстоянии выглядели менее резными, охватывающие их борозды — менее органическими. Простительно было даже спутать их с хромированными штангами комплекса датчиков или выставленными стволами атмосферных орудий. Щупальце, угадывавшееся сквозь вакуум, с миллионом крошечных усиков, усеивающих его поверхность, теперь выглядело более упорядоченным, сегментированным плитами соединённого металла. Топливный рукав.

Огромные кожистые крылья превратились в батареи линз-излучателей и бронированные мостики, зияющие обонятельные устья на этом расстоянии преобразились во взлётные ангары и торпедные аппараты. Складки кожи стали контрфорсами, шипы — шпильками и турелями человеческой конструкции, пёстрые пятна на коже превратились в рубленые узоры геральдики и символики.

— Линейный флот Ультима Секундус, — произнёс Арканнис из-за плеча Гхейта, — включая Пятнадцатый, Семидесятый и Девяносто третий полки Карадмийской гвардии, плюс основные ударные корабли ордена Тарантулов Адептус Астартес. Я затребовал их присутствия в этой системе неделю назад.

Гхейт сполз на колени.

— Матьер не явится, Гхейт. Только не сегодня.

Мир рушился у него на глазах. Жёлчь встала в горле, горькая и горячая на зубах.

— Почему?.. - от двуличности кардинала перехватило дыхание.

Арканнис похлопал его по плечу почти по-отечески:

— Потому что Гариал-Фол был слабым миром. Слабым миром со слабым губернатором, им управляли слабые законы и слабые политики. Его вигилаторы были второсортными, полки СПО — невзрачными. И вдобавок ко всему, он приютил слабого инквизитора — врага истваанианской школы, чьего устранения я добивался уже давно. Можешь назвать это... Можешь назвать это личным делом, если хочешь. То, что город вдобавок скрывал твою Подцерковь, оказалось приятным бонусом.

— Т-ты... ты использовал нас...

— Конечно. Я говорил тебе, Гхейт: рак лениности не лечится отдыхом или витаминами. Нужно разрушить, прежде чем начать строить заново. Я зажёл искру, Гхейт. Я смёл всё, что делало улей-купол стабильным и безопасным. Вообрази их удивление!

— Ты бешеный...

Арканнис уставился на него, выпучив глаза. Плащ его развевался.

— Ошибаешься. Ошибаешься, Гхейт. Есть разница между бешенством и драчливостью. Я сделал ровно то, что требовалось. Этот мир, там внизу, этот бесполезный шар из камня и снега... Он будет очищен! Жестокость его очищения будет зрелищем поистине впечатляющим. У твоей жалкой Церквушки нет ни шанса. Будет огонь, и кровь, и смерть. О да, это будет побоище, с обеих сторон. Но из пепла возродится новый Гариал-Фол. Более дисциплинированный, более сплочённый. И те, кто выжил, станут ещё сильнее!

От Гхейта осталась лишь пустая оболочка. Он чувствовал её — абсолютную пустоту, которая грызла кожу изнутри. Осталось только предательство, и оно кружило у него в голове, словно ураган.

— Почему я? — каркнул он. — Зачем оставлять меня? Зачем втягивать в это меня?!

Арканнис улыбнулся своей ленивой змеиной улыбкой и подмигнул:

— Потому что ты особенный, Гхейт. Маелигнаци, чья преданность может быть заслужена инквизитором, даже таким бесплодным, как Ариаль — по-настоящему ценный трофей.

— Т-ты... ты ждёшь, что я буду предан тебе? — идея вызвала у него тошноту, стиснув разум и подняв жёлчь обратно до рта.

Арканнис медленно покачал головой, поджав губы:

— Нет. Нет, я думаю, ты уже за пределами доверия мне.

— Тогда зачем? — огромные слёзы поползли по его столь человеческому носу и губам.

Арканнис поднял пачку бумаг оттуда, где их оставил Гхейт, и с кривой улыбкой скользнул взглядом по

шелестящим листьям.

— Я хотел бы добавить свои исследования к изысканиям инквизитора Агмара. Знание — сила, Гхейт.

— И-исследования?..

— Да. Они будут озаглавлены: «Маелигнаци: Отклонения и слабые стороны».

Он сунул свободную руку в одеяние и вытащил длинное стило с костяной ручкой.

— Держи, — сказал он, сверкая глазами, дуло лазпистолета угрожающе зияло. — Тебе понадобится вот это.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Элюцидиум_-_Свет_проливающий_/__Elucidium_\(рассказ\)&oldid=10964](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Элюцидиум_-_Свет_проливающий_/__Elucidium_(рассказ)&oldid=10964)

Эта страница в последний раз была отредактирована 6 февраля 2020 в 20:57.